

18+

Г. И. Коваленко

ДОНСКОЙ ХРОНОГРАФ. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Том 1

Г. И. Коваленко

**Донской хронограф.
Хронологическая история
донских казаков. Том 1**

«Издательские решения»

Коваленко Г. И.

Донской хронограф. Хронологическая история донских казаков.
Том 1 / Г. И. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746620-6

Данная книга излагает хронологическую историю донских казаков с 1380 года и до 1700 года. Непростые отношения донских казаков с окружающими народами и их борьбу за выживание не на жизнь, а на смерть. Бесчисленные войны казаков с турками, крымскими татарами, нагаями, горскими народами Кавказа и калмыками. Неоднократное взятие казаками Азова и знаменитое Азовское сидение, когда немногочисленные казаки отразили громадную турецкую армию. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746620-6

© Коваленко Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Введение	8
Происхождение донского казачества. Взгляд из провинции.	11
Часть 1 Донской хронограф 1380 – 1577 г.	24
Часть 2 Донской хронограф 1578 – 1605 г.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Донской хронограф. Хронологическая история донских казаков Том 1

Г. И. Коваленко

Дизайнер обложки Геннадий Иванович Коваленко

Редактор Геннадий Иванович Коваленко

Фото Геннадий Иванович Коваленко

© Г. И. Коваленко, 2020

© Геннадий Иванович Коваленко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-6620-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Коваленко Геннадий Иванович. Родился 1 января 1964 года в хуторе Средний Митякин Тарасовского района Ростовской области. Закончил Красновскую среднюю школу. С 1982 по 1984 год служил в Советской Армии. Первые пол года был курсантом учебного батальона Радиационной и химической разведки в городе Черновцы. Потом служба в 375 танковом полку, расположенном в городе Шумперка ЦГВ. В 1986 году окончил Каменский Химико-Механический техникум по курсу автоматизация процессов и аппаратов химического производства. С 1991 живёт и работает в хуторе Нижнемитякинском Тарасовского района. Занимается краеведением и историей Войска Донского.

Отзывы и замечания по работе присылать по эл. почте gennady.kazak1@yandex.ru

Введение

Вниманию читателей предлагается хронологическая история донских казаков начиная с 1380 года по 1700 год. На сколько я знаю, ранее не предпринималось попыток написания такой книги, в которой бы можно было бы проследить год за годом историю Дона, и взаимоотношения донских казаков с Московскими царями, запорожскими казаками, нагаями, крымскими татарами и Турецкой империи в хронологическом порядке.

1 том книги состоит из 4 частей: 1 часть: «Донской хронограф» 1380 – 1577 год. 2 часть: «Донской хронограф " 1578 – 1605 год. 3 часть: «Донской хронограф» 1606 – 1619 год. И 4 часть: «Донской хронограф» 1620 – 1631 год.

Синописис. В 1 части «Хронографа» даётся обзор истории донского казачества с 1380 года, года когда донские казаки упоминаются в русских летописях. Из-за обрывочности сведений до середины 16 века, многие года в этой части отсутствуют. С середины же 16 века, идёт по годовое хронологическое описание всех известных событий связанных с донскими казаками времён Ивана 4 и его взаимоотношение с ними.

Во 2 части рассказывается об укреплении и становлении Войска Донского, как в период правления Ивана 4, присоединение Сибири Ермаком, так и в последующие годы после его смерти. Непростые отношения казаков с Борисом Годуновым и конфликт с ним, опала Войска и начало Смуты. В 3 части «Хронографа» рассказывается о развитии русской Смуты и самом непосредственном участии казаков в междоусобице в Московском царстве. Поддержка казаками самозванцев, а затем их переход на сторону ополчения. В этой части широко приводятся отрывки из воспоминаний поляков о людоедстве в Кремле, что подтверждается «Новым летописцем» и другими источниками. В этой части так же рассказывается об изгнании поляков из Москвы, избрании нового царя Михаила Фёдоровича. И о попытках Московского правительства унять хозяйничавших по всей стране воровских казаков. В 4 части идёт повествование о возобновлении донскими казаками морских походов на Крым и Турцию, разгром их бережий и разорение городов и селений. А так же конфликты Войска с Московским царством из-за грабежей воровских казаков на Волге и Каспии.

Ранее книга пока ни где не издавалась. Мой литературный опыт небогат. Напечатано несколько рассказов в газете «Наше время», а так же несколько статей у Юрия Полякова в «Литературной газете». Это не считая публикаций на литературных сайтах.

«Донской хронограф» написан на основе первоисточников: войсковых отписок Московским царям, царским грамотам на Дон, отписок украинских воевод, русских летописей, мемуаров иностранцев живших в России 16 – 17 века. При работе над «Хронографом» использовалась следующая литература: 5 томов «Донских дел», 1 тома «Актов Донских дел», 12 томов «Дополнений к актам историческим». А так же книги русских историков: Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Сухорукова, Броневского, Королёва, Куца, Гусева и других.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, начиная со школьной скамьи и до лиц преклонного возраста, интересующихся реальной историей донского казачества, а не ура-патристическими агитками. В книге приводится много не известных читательской аудитории фактов, а так же многочисленные отрывки из исторических документов, подкрепляющих позицию автора.

Книга посвящается памяти всех донских казаков, в том числе и моего прадеда Казьмина Севастьяна Даниловича, а так же его сыновьям: Казьмину Василию Севастьяновичу, Казьмину Луке Севастьяновичу и Казьмину Ивану Севастьяновичу.

Казьмин Василий Севостьянович лежит справа.

Засада

Рвёт ветер гривы маштаков,
Казачья лава мчит по полю.
Донцы покинули свой кров,

Чтобы найти в набеге долю.
Склонились пики, гул копыт,
Свирепый взгляд из под папахи;
Как беркут яростный летит,
Вперёд казак и прочь все страхи.
На встречу, безумный кличь осман,
Под ними – демоны, не кони.
Строй делибашей, как таран,
Горят на солнце турок брони.
Два шлейфа пыли мчат на встречу,
И вот сошлись в жестокой сече.
Ведёт булат там смерти речь
– По многим будут ставить свечи.
И гнётся лава, лязг и вой,
Дождём на землю кровь струится.
Плоть рубит ятаган кривой,
Надеждам многим здесь не сбыться.
И вот, повержен строй донцов,
И смята лава, гик погони,
В Стамбул уж шлёт паша гонцов,
Несутся в степь османов кони.
Хотят к реке гяуров гнать
Пять сотен ярых делибашей.
Хотят героями все стать,
Нет конницы у турок краше.
И в тот же миг, во фланг осман,
Казаки с гиком бьют с размаха.
Сминают толпы бусурман,
Роняют в души семя страха.
Нет в поле больше беглецов;
Донцы коней поворотили разом.
Но стало больше мертвецов,
Куда не кинь свой взгляд ты глазом.
Таков сраженья был итог,
Когда не сила бьёт, а слабость.
И был Аллах к адептам строг,
Они узнали смерти радость.
И взят арканом был паша,
Арабы резвые добычей стали.
Богат стал тот, кто не имел гроша.
К Азову уцелевшие бежали.

Происхождение донского казачества. Взгляд из провинции.

Дать исчерпывающий ответ на вопрос о происхождении российского казачества без масштабных археологических раскопок и кропотливого исследования полученного материала, на данный момент не представляется возможным. Но тем не менее, опираясь на известные нам факты, сопоставляя и анализируя их, можно говорить об этом с большой долей уверенности. Не прибегая при этом к сенсационным заявлениям и не мифологизируя историю. Нельзя без улыбки читать о том, что «История казачества древнее египетских пирамид». Или, что произошли казаки от некоего то ли половецкого, то ли татарского племени «казак», причём племя это, по словам автора проживало на территории от Чёрного моря до Сибири. Правда ни кому из историков обнаружить это мифическое племя не удалось. Доказательная база подобных утверждений рассчитана на историческое невежество читателей и магию печатного слова.

Сами казаки верховых станиц, по замечанию первого историка донских казаков Ригельмана, «О себе прямого начала своего сказать не могут, а мнят будто бы они от неких вольных людей, а более от Черкес и горских народов взялися и для того считают природою не от Московских людей». Казаки оскорблялись когда их называли русскими людьми или москалями: «Я не москаль но Русской, и то по закону и вере Православной, а не по природе». Вторая легенда возникновения казачества, несколько противоречит первой. В ней так же говорится, что предки донцов пришли с Кавказа, но природе своей более великоросы, нежели люди горского племени. Впрочем, на мой взгляд, это противоречие кажущееся, мнимое. Связанное тем, что Ригельман, расспрашивая казаков об их происхождении, ставил перед ними вопрос несколько по иному, чем в первом случае.

Впрочем здесь я могу и ошибаться. Ещё более смутно сохранилось на Дону предание о некоем охотнике хазарского племени, пришедшего на Дон из Польши, бить пушную дичь. К нему пристали другие молодцы и выбрали его своим вожаком – атаманом. За счёт них, ново-пришлых и вновь народившихся «... стало их число великое и жили свободно».

В энциклопедии «Народы России», утверждается, что донское казачество сформировалось в середине 16 века на основе беглых крестьян и холопов их России и Малороссии. Этой же точки зрения придерживается А. Л. Станиславский, знаток средневековой истории России, а так же историк донского казачества Астапенко. Стоит ли доверять этим утверждения безоговорочно? Или обратимся к другим источникам?

Карамзину например, считавшего и не без оснований, костяком донского казачества торков и берендеев. Или Иловайтскому, чьи учебники истории издавались в 19 веке миллионными тиражами. Он считал донских казаков, продуктом колонизации городовыми казаками и служилыми людьми Рязанского княжества Подонья. К этим именам можно так же добавить таких выдающихся историков как Соловьёв, Ключевской. Донской историк Евграф Савельев производил казаков от скифов и сармат. Где же истина?

На мой взгляд, в чём то правы все эти весьма уважаемые и авторитетные историки. Но тем не менее, ни кто из них не смог дать всеобъемлющего ответа на вопрос о истоках казачества. Возникают множество вопросов, на которые авторы не дают ответов или делают неправильные выводы. Действительно ли казачество сформировалось в 16 веке? Ведь в летописи по Никоновскому списку, архимандрит Антоний упоминает донских казаков в 1380 г. как уже вполне сложившуюся военно-политическую структуру, которая обращается к московскому князю с дарами и поддерживает его в борьбе с Мамаем.

В нём говорится, что донские казаки из городков Сиротин и Гребни, узнав, что князь Дмитрий Донской собирает войска борьбы с татарами, поспешили ему на помощь и поднесли на кануне Куликовской битвы священные дары: икону —хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребенской: « того ради последи прославился образ Пресвятые

Богородицы Донской, зане к Великому Князю Дмитрию Ивановичу Донские казаки, уведавши о пришествии в Междуречии Дона и Непрядвы, вскоре в помощь благословенному Великому Князю и всему православному воинству на побеждение нечестивых агарян вручили».

Как тут можно говорить о каких то беглых мужиках, обосновавшихся на Дону якобы в 16 веке? Когда татары, чуть ли не ежегодно совершали набеги на Россию, уводя этих самых мужиков десятками тысяч в неволю. И вдруг, эти самые мужики, сбежав на Дон, становятся грозой всё тех же татар и турок? Как такое может быть, историки скромно умалчивают.

Что ж попробуем ответить на эти вопросы, только для начала разберёмся с самим словом «казак», с его происхождением. Кого собственно оно обозначает? Какой либо народ, этническую группу, сословие.

Для этого совершим небольшой экскурс в историю Руси и граничивших с ней тюркских народов. Ведь слово «казак», несомненно тюркского происхождения. В. И. Даль полагал, что оно произошло от «среднеазиатского» слова «казмак» – бродяга, путешественник, скиталец. Историк калмыков Мурад Аджиев утверждает, что «казаки» – свободное сословие у половцев-куманов. У того же Станиславского, «казак» означает свободного независимого человека, бродягу и искателя удачи, ни кому не подчинявшегося, у таких народов как крымские татары и нагайцы. Так же русские летописи называют выходцев из самых беднейших, нижних слоёв татарского общества.

Так кем же они были, эти самые казаки?

Судя по всему, термин «казак», первоначально означал не какую либо этническую группу или народ. Этот термин социальный, обозначавший у всех тюрок и части кавказских народов (кумыков, черкесов, кабардинцев), свободных, ни кому не подчиняющихся воинов конников, лишённых каких либо обязательств перед обществом, за исключением военной пограничной службы. Вполне возможно, что первоначально, так назывались конные воины-изгои. На Руси термин «казак» известен с 15 века, так называли нетягловых, безземельных крестьян. «Во первых, мы видим, что заселителями земель можно было всегда найти таких людей, не имеющих собственной земли, собственного хозяйства и долженствующих потому кормиться работою на чужих землях, при чужих хозяйствах, при чужих промыслах, а также бездомные люди назывались у нас казаками». «Соловьёв С. М. История России».

Это подтверждается «Уставной Грамотой» великого князя Василия Тёмного к крестьянам Моревской слободы: «Платити им дрова и хоромной лес реками, и им казаком их мыта и явки не давати» Впрочем эти казаки ничего общего с донскими не имели, за исключением названия и вольной жизни.

В том же 15 веке появляются городовые казаки, несшие службу по сторожевой охране российских рубежей. Они набирались из свободных людей, освобождались от податей и получали за свою службу землю. Так в 1444 г. рязанские городовые казаки пришли на помощь князю при разгроме татарского царевича Мустафы. Городовые казаки, по всей видимости, возникли как сословие уже после формирования вольного донского казачества. Так как они копировали его структуру управления и имели часть выборных начальствующих должностей.

Такие же «служилые» казаки известны в 15 веке и у крымских татар. Здесь можно сослаться на таких историков как Соловьёв, Савельев, Ауский. Так «свои» казаки известны в Крымском ханстве с 1474 г., с 1491 г. они известны в Казанском царстве, а с 1502 г. в Астраханском. В турецком Белгороде и Очакове казаки упоминаются с 1515 г., а в Азове они существовали ещё до 1471 г. Однако за постоянные грабежи, бесчинства и разбои были, частью истреблены, частично изгнаны турецким пашой из города. Эти казаки мусульмане были известны в России. Так в Московском летописном своде за 1492 г., говорится: «Того же лета июня в 10 день приходили татаровя ордынские казаки». В 1538 г. нагайскому князю Юсуфу, на его жалобу о казачьих разбоях, из Москвы отвечали: «На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, и иные баловни казаки».

Какой из всего этого можно сделать вывод? Да пожалуй тот, что напрашивается сам собою: слово «казак», стало в 15 – 16 веках синонимом для порубежников всех мастей и национальностей, занимавшихся не только охраной пограничных территорий, а и набегами на соседей.

В истории такое случается часто и в качестве аналогии, я приведу имя скифов, которые исчезли как народ, задолго до нашей эры. Хотя все античные и многие средневековые историки, много столетий спустя продолжали так называть все причерноморские народы скифами. Впоследствии некоторые европейские хронисты называли скифами жителей Киевской Руси. Точно такая же ситуация сложилась и со словом «казак», которое русские летописцы заимствовали у тюркских народов, и стали так называть всех обитателей Дикого Поля и его окраин. Но кто из этих казаков порубежников стал родоначальником донского казачества? На мой взгляд – ни кто. Хотя отдельные их представители, так и целые их группы, могли вливаться и вливались в его состав.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала определить, каким требованиям должен соответствовать этнос, прародитель казачества. Требование первое: православие. Во всех упоминаниях о донских, терских или запорожских казаках, они люди православные. Требование второе: близкое духовно-религиозное родство с Русью и её народом. Здесь я вновь бы хотел обратиться к Никоновскому списку и ещё раз процитировать эту запись сделанную архимандритом Антонием на кануне Куликовской битвы: « того ради последи прославился образ Пресвятыя Богородицы Донской, зане к Великому Князю Дмитрию Ивановичу Донские казаки, уведавши о пришествии в Междуречии Дона и Непрядвы, вскоре в помощь благословенному Великому Князю и всему православному воинству на побежденье нечестивых агарян вручили».

Ещё раз замечу, из этого короткого отрывка видно не только духовное родство казаков из городков Сиротин и Гребни с Русью, но и противопоставление их мусульманскому миру «агарян», то есть потомков библейской Агари и её сына Измаила – арабов, к которым на Руси причисляли всех мусульман. Из этого следует, что казаки должны быть не только православными, но и ближайшими союзниками России.

Третье требование: этнос прародитель донской вольницы должен был вести кочевой или полукочевой образ жизни и не заниматься земледелием. Возможно ли совместить все эти три требования и найти в глубине веков казачьи корни? Совместить казалось бы несовместимое. Но так ли это? Многие историки считают таким этносом половцев, говоря о том, что эти кочевники приняли православие. Ведь известно, что в Подонье была даже учреждена православная епархия и в русских летописях упоминаются православные монастыри в верховьях Дона, Медведицы и Хопра. Правда эти историки, говоря о принятии половцами христианства, не уточняют, что его приняла лишь половецкая аристократия. Основная же масса половцев продолжала исповедовать языческий культ Тэнгре. О чём пишут Карамзин и Ключевской.

Так же ни когда не было духовно-религиозного родства между русскими и половцами, как не было и прочных союзнических отношений. Половцы регулярно вторгались в русские княжества, уводя тысячи пленников в свои кочевья. Именно эти пленники и являлись основными прихожанами Сарско-Подонской епархии. На основании этих выводов, половцев можно исключить из списка прародителей казачества.

Так кто же этот загадочный прародитель? Здесь нужно вспомнить о сравнительно малочисленных тюркских племенах, ведших полу кочевой образ жизни в Приднепровье, Поросье и в районе Курска. Вытесненные своими более многочисленными сородичами на окраины степи, они находились в вассальной зависимости от русских князей, предоставивших им свои земли для кочёвок и защищавших их от притеснений половцев-куманов, болгар и других степняков. Это торки, берендеи и чегниговские ковуи. В «Слове о полку Игореве» мы находим других тюрков союзников русских князей: татраны, шильберы, топчаки, ревуги, альберы. Все

эти малые народы, по словам Карамзина, более известны в русских летописях как Чёрные клобуки или Черкасы. Все эти торки, берендеи, чёрные клобуки и черкасы, к 13 веку приняли православие и в значительной степени ославянились. Их воины входили в так называемые младшие дружины как киевского князя, так и в дружины других князей. Они были самыми верными союзниками руссов, так как находились в конфронтации с более крупными тюркскими народами и только у русских князей они могли найти защиту и покровительство.

Точно так же, «черкасами», в 15 – 18 веках называли запорожских казаков. Совпадение, случайность? Навряд ли. А что собственно обозначает слово «черкас» или «черкес»? Быть может, мы, ответив на этот вопрос, продвинемся в разрешении основного вопроса, о происхождении казачества. Во всех тюркских языках корень «чер», означает воина, вооружённого человека или разбойника. Так турки называли «черкесами» все многочисленные и воинственные народы Кавказа, вне зависимости от того, кто они абхазы, кабардинцы, адыги или собственно черкесы. Слово это обозначало собой в понимании турка разбойника и грабителя, так как вся жизнь этих народов представляла собой бесконечную череду взаимных набегов и грабежей.

Возьмём теперь турецкое слово «янычар», так оно пишется и звучит в русской транскрипции. В турецком языке это слово произносится несколько иначе: «енни чери», что переводится как «молодые воины». Всё это позволило называть русским, своих тюркских союзников: торков, берендеев и чёрных клобуков черкасами – воинами. Так же впоследствии русские называли «черкасами» и все горские народы Кавказа. Так что вполне возможно, что Ригельман, записывая историю донского казачества, допустил ошибку и вместо общеупотребительного в России «черкас», написал «черкес», что впрочем не влияет на суть вопроса. А быть может он не видел принципиальной разницы в их различном написании.

И так, часть первой легенды, записанной генералом Ригельманом, вполне подтверждается нашими лингвистическими изысканиями. Она говорит нам о том, что казаки произошли одной своей частью от черкас – ославянившихся православных тюрках: торков, берендеев и чёрных клобуков, состоявших на русской службе. Хотя первоначально отношения между ними и русскими князьями складывались далеко не гладкими. Впервые торки в русских летописях упоминаются как союзники россиян, при Великом князе Владимире крестителе Руси. Тогда они вместе с князем выступили в поход против волжских булгар. Однако торки, верные своим обычаям, время от времени продолжали свои набеги на русские земли, за что и поплатились при Владимире Мономахе. Князь изгнал часть торков из Приднепровских пределов. Другая их часть, верная союзу с киевским князем, так и осталась кочевать по реке Рось и её окрестностям.

Впрочем и в последствии случались эксцессы. Так оскорблённый Святославом князь берендеев Кавтундей, отошёл к половцам и долго грабил земли киевского княжества. Пока Святослав, не раскаявшись в содеянном, не примирился с берендейским владетелем и не дал ему в качестве компенсации городок Древен, на берегах реки Роси. Не смотря на все эти трения, отношения между русскими и торками, а так же прочими мелкими тюркскими племенами в корне отличались от отношений их с половцами. Они рассматривались не как подданные или враги Руси, а как союзники. Пожалуй с этих времён и можно вести древнейшую историю казачества, вольных всадников «молодшей» княжеской дружины.

Торки, берендеи и чёрные клобуки стали его первым кирпичом. Они постепенно ославянивались, смешанные браки укрепляли их связь с Русью. Этому немало способствовало принятия ими православия. Так при Ростиславе Рюриковиче, по словам летописцев, торки и берендеи стали грозой варваров половцев. Не будь даже других свидетельств о принятии ими крещения, только это упоминание уже говорит о их православии, они для русичей уже «свои», в отличие от «варваров» половцев. Выдержали эти порубежники черкасы и удар монгольских туменов.

Отброшенные в лесные дебри северных княжеств, они постепенно стали возвращаться на берега Днепра, так как в разорённых южных русских княжествах, с новой силой вспыхнули между усами. Отсюда часть из них очевидно ушла на Дон и Северский Донец, расселяясь по берегам рек и островам, постепенно обрастая уцелевшими в боях дружинниками русских князей, не покорившимися монголам половцами, хазарами и печенегами. Очевидно единственным критерием отбора в первые казачьи общества было владение оружием, чтобы не быть обузой.

Осталось вторая ещё часть легенды записанной Ригельманом, в которой говорится, что казаки произошли от неких горских народов, а как она собственно состыкуется с первой? Всё объясняется довольно просто. Для заполнения этого пробела совершим ещё один экскурс в историю Киевской Руси. Вспомним князя Святослава, его походы на хазар и захват им Причерноморья. В том числе таких крепостей как Саркел, названной русами Белой Вежей и Тмутархи – Тмуторокани. На этой территории было основано новое русское княжество – Тмутороканское.

После вторжения в Причерноморье половцев-куманов в начале 12 века, упоминание о Тмуторокани и Белой Веже, в русских летописях исчезают. Так как тем удалось захватить эти русские твердыни. Но сгинуло ли в кровавом урагане нашествия многотысячное православное население княжества? Нет, «беловежцы» неоднократно упоминаются русскими летописцами. Хотя некоторые из них подразумевают под беловежцами хазар иудеев. Однако, на мой взгляд поспешный вывод, хотя среди них, вполне вероятно и были хазары. Часть из них, оставив руины своих городов и селений, вернулись на Русь, где по великокняжескому повелению осели в 120 верстах от Чернигова, основав новую Белую Вежу.

Впоследствии этот город был разрушен до основания вторгшимися монголами. Здесь нужно отметить, что местные жители уже не считали этих возвратившихся на родину потомков святославовых дружинников русскими. Они именовали этот весьма отороченный, но православный народ хазарами или беловежцами. Именно они укрывшись в непролазных и дремучих лесах, на границе Руси и Польши, во время монгольского нашествия, и дали им названия Беловежской пущи.

Вполне вероятно, что с уходом монгольских туменов в родные им степи, беловежцы возвращаются на Днепр, откуда переходят на Дон, подальше от междоусобиц продолжившихся на юге Киевской Руси, вплоть до подчинения её Литвой. По крайней мере, эта версия полностью перекликается с казачьей легендой, о некоем охотнике хазарского племени пришедшем на Днепр и Дон из Польши! А ведь православные беловежцы, за сто с лишним лет своего проживания в окружении остатков хазарских племён, и в самом деле значительно оторочились и охазарились.

На Дону православные беловежцы находят союзников в лице бродников. Русские летописи 12 – 14 веков говорят о свободном и воинственном народе, жившем на Дону, – бродниках, также христианах, управлявшихся своими выборными старшинами – воеводами. Бродники жили по Дону и Сев. Донцу, занимаясь охотой, рыболовством и переправами через эти водные преграды торговых караванов. Так впервые они упоминаются в Ипатьевской летописи в 1147 г. Когда половцы и бродники пришли в Вятскую землю на помощь новгород-северскому князю Святославу Олеговичу воевавшего с черниговскими Давидовичами и киевским князем Изяславом Мстиславовичем. Второй раз они упоминаются в 1216 г., когда они пришли на помощь князю Ярославу Всеволодовичу.

Упоминаются бродники и в западно-европейских хрониках. Так, в письме венгерского короля Белы IV к папе Иннокентию, написанном в 1254 г., говорится: «Когда государство Венгрия от вторжения татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню, и, как овчарня изгородью, было окружено различными племенами неверных, именно: русскими, бродниками с Востока, булгарами и босняками еретиками с Юга... татары заставили платить

дань особенно страны, которые с Востока граничат с нашим царством, именно: Русь, Куманию, Бродников, Булгарию»...

Это известие, таким образом, кроме подтверждения летописного сообщения о местожительстве Б., вводит еще новые подробности о них, именно, что они были христиане, так как упоминаются рядом с русскими, под именем неверных, а не еретиков-язычников, чем подтверждается и догадка В. Н. Татищева, основывавшегося только на крестном целовании Плоскыни, – и что они были подчинены татарам.

Другой источник, указываемый Голубовским – письмо папы Григория к грансонскому епископу, писанное в 1227 г. – прямо указывает на то, что Кумания (половецкая страна) граничит с землями бродников. И, наконец, Никита Акоминат в своем слове 1190 г. называет их даже «ветвью русских» и указывает на их воинственный дух. Все эти известия, вместе взятые, позволяют заключить, что бродники – община, выработавшаяся из остатков придонского славянского населения.

Бродники, как и черкасы, поступали на службу к русским князьям, в дружинах которых они составляли целые полки. Но зачастую и выступали на стороне врагов Руси. В битве русских князей с татарами на р. Калке, впадающей в Азовское море (ныне Калмиус), воевода Бродников Плоскыня не только не помог русским одолеть врагов, но, напротив, не принимая участия в битве, оказал татарам услугу, склонив Мстислава Романовича Киевского к сдаче; причем от имени татар клялся, что они пропустят его свободно, если он даст за себя и за свою дружину выкуп. Известно, что татары не исполнили своего обещания и всех русских перебили.

Итак, в качестве ещё одной первоначальной компоненты донского казачества, и казачества вообще, к тюркским племенам торков, берендеев и чёрных клобуков, вполне допустимо прибавить частично охазаренных беловежцев и славян бродников. Но все ли это корни казачьего древа? Если да, то донское и запорожское казачество должно быть как два брата близнеца. Но это не так, донцы в значительной степени отличаются от запорожцев и все эти отличия, судя по всему, сформировались ещё с Средние века. Поэтому мы продолжим поиск.

Тем более, что у нас ещё есть в запасе другие легенды донского казачества и нам предстоит выяснить, есть ли под ними хоть какое ни будь основание. Как нам быть с утверждением верховых казаков, что они роду более великорусского, нежели горцы и пришли на Дон и Донец с Кавказа? Или другой, в которой говорится, что казаки племени больше горского, а по вере и языку русские? Казалось бы, что одна легенда исключает другую, но так ли это? Как не парадоксально, эти легенды, при их пристальном рассмотрении не только не противоречат друг другу, а дополняют. Во второй легенде говорится, что казаки-пращуры, языка и веры русской, но они не москали. В этом то и вся загвоздка.

Немец Ригельман, по простоте душевной, считал, что если человек называет себя русским, то он выходец из Московской Руси-России. Но ведь была и Киевская Русь. А казаки судя по всему, один из его осколков, чудом сохранившимся после монгольского нашествия. Общность людей с ещё вечевым сознанием и народоуправлением. В противоположность им, великороссы- москали, в значительной степени переняли у монголов модель управления близкую к восточной деспотии. В первой же легенде, когда казак говорит, что они роду более великорусского, нежели горцы, тем самым рассказчик как бы подчеркивает своё более «русское» происхождение, нежели горцы, по языку и вере. Но всё это пока наши догадки, которые следует подкрепить некоторыми фактами и объяснить.

Начнём с терских казаков. Как всё таки терские казаки, говорящие по русски и исповедующие православие, оказались у предгорий Кавказа? Не смотря на то, что официальная дата основания Терского казачьего войска 1577 г., первое упоминание о терских казаках, ходивших вместе с донскими казаками в 1552 г. в поход на Казань, по призыву Ивана Грозного, есть в отписке Войска Донского.

Итак 1552 г., Волга ещё полностью контролируется казанскими и астраханскими татарами, задонские и закубанские степи контролируют нагаи, крымские татары и темрюцкие черкесы, и тем не менее, там, на далёком Тереке существует довольно крупное казачье общество, полностью отрезанное от родственной России. Доводы некоторых историков о том, что терцы прибыли туда спустившись по Волге, весьма сомнительны, так как уже говорилось выше, река в это время полностью контролировалась татарами. К тому же волжская дельта могла стать для казаков куда более надёжным убежищем, чем Терек. Терек, где терцы оказывались между молотом и наковальней множества крупных мусульманских народов.

Ещё одна версия о возникновении терских казаков и беглых крестьян, выглядит вообще абсурдной, ведь тогда ни какого крепостного права в России и в помине не было. Вероятность переселения на Терек донских и запорожских казаков, так же достаточно мала. Ведь в начале 16 века, донцы, и запорожцы только начинали вытеснять крымских и нагайских татар из низовий этих рек и укрепляться на месте покинутых татарских юртов. Рыбные ловли на Днепре, Дону и Волге, были куда обильней тех же ловлей на Тереке, как впрочем и охотничьи угодья. Так что же гнало их сюда, в эту кавказскую тматорокань? И гнало ли вообще? Быть может здесь, на Тереке, они оказались под давлением неких обстоятельств гораздо раньше 16 – 17 века. Искать ответ на этот вопрос мы будем в той же, вышеупомянутой Тматорокани.

Тматорокань под натиском половцев-куманов пала, но как и в Белой Веже, часть её населения уцелела. И в этом не ни чего странного, ведь даже после куда более разрушительного монгольского нашествия, население на завоёванных ими территориях сохранялось. Глупо вырезать будущих подданных или рабов. Видя неизбежное падение Тматорокани, Сурожа и других городов, и селений княжества, часть его жителей, отрезанная от Руси половцами, смогла закрепиться на побережье Чёрного моря, в предгорьях Кавказа и на Тереке. Однако есть ли этому хоть какие то подтверждения, спросите вы или все эти утверждения домыслы чистой воды?

Обратимся к «Запискам о Московских делах» Сигизмунда Герберштейна, австрийского посла в России в 1517 и в 1526 г.. «В этом месте, вплоть до реки Мерузы вливающейся в Понт, находятся горы по которым живут черкесы или цики. В надежде на неприступность гор, они не повинуются ни туркам, ни татарам. Однако русские свидетельствуют, что они христиане, живут по своим законам, согласуются с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении. Это самые дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, текущим с гор, они спускаются на судах в море и грабят всех кого могут, в особенности плывущих из Кафы в Константинополь».

Но являются ли «черкесы» Герберштейна потомками жителей Тматороканского княжества или это собственно кавказские черкесы? Ведь из русских летописей нам известно, что в начале-середине 16 века, горские черкесы исповедовали православие. В 5 главе 8 тома Карамзина «Истории государства Российского», читаем: «Царь имел на юге усердных слуг в князьях черкесских; они требовали от нас полководца, чтобы воевать Тавриду, и церковных пастырей. ... Государь послал к ним бодрого Вишневецкого и многих священников, которые в дебрях и на скалах гор Кавказских, основав церкви, обновили там древнее христианство».

Вот что например пишет Витсен о собственно горских «черкесах» в 1640 г.: «Страна черкесов лежит у самого Каспийского моря, ее северные соседи – астраханские ногаи, на юге дагестанские и тюрковские татары, на Западе абазы и Мегрельские племена...

Земля черкесов лежит у самых гор; с правой стороны Черное море, где живет народ, называемый абаса, абхазы или абассы, страна которых находится под властью двух государей. Там нет городов, но много селений на очень высоких горах. По случайности их внешность и образ жизни те же, что у черкесов, но они едят сырое мясо большей частью. Там растет виноград. Говорят они на особом языке. Ни писанных законов, ни письменности у них нет. Они христиане по имени, но почти совсем не соблюдают христианских обрядов. Большие воры

и обманщики. В этой стране можно встретить много водруженных крестов. Леса – их крепость. Они смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффи (Феодосии – сост.) в Константинополь. Денег там нет, но они ведут меновую торговлю рабами, воском и мехами. Продают своих земляков туркам. На Черном море у них есть хорошая гавань Эшизумуни. Воюют иногда с черкесами и мегрелами. Кроме лука и стрел употребляют также огнестрельное оружие. Одеваются как черкесы, только иначе подстригают волосы. На подборке волосы у них выбриты, а усы длинно отпущены. Очень ленивы, не любят рыбу в море, хотя она там в изобилии».

Казалось бы эти факты опровергают мои предположения о том, что в предгорьях Кавказа и на черноморском побережье с 12 века проживали остатки славянского населения Тьмуторканского княжества. Опровергают, если бы не найденная и зафиксированная надпись на старословянском языке, обнаруженная в 1865 г., на древнем исполинском дубе в урочище Хан – Кучий, между Туапсе и Шахе: «Здесь потеряна православная вера. Сын мой возвратись в Русь, ибо ты отродье русское». Здесь комментарии излишни.

Черноморские русы, именуемые в России, как и все кавказские народы черкесами, под давлением мусульманских народов, уходят на Терек, а за тем через Каспийское море, Волгу и Переволоку на Дон. Хотя допустим и второй, более рискованный вариант ухода на Дон через Дикое поле, хотя он и мало вероятен. Расселившись по Дону, кавказские русы смешиваются там с родственными по духу и вере казаками черкасами нижнего Подонья, начав формирование тем самым донского казачества. Самобытного и отличного от запорожского казачества. Произошло это, по всей видимости в начале, середине 14 века, ещё до Куликовского побоища. Впрочем уходят не все, часть их закрепляется на Тереке и Сунже, построив там свои укрепленные городки.

Куликовская битва, а затем вторжение Тамерлана, подорвали силы донского казачества. Уцелевшие на неспящих донцы, были вынуждены укрыться в дремучих лесах верхнего Подонья, Хопра и Медведицы, уйти в малодоступные для конницы Тамерлана верховья рек. По словам современников, Дон опустел и обезлюдел. Редкие его обитатели вели жестокую борьбу за выживание. Именно в это время, в жестоких и беспощадных схватках выковывались основные черты казачьего характера: необычайная стойкость, храбрость, выносливость, постоянная готовность в любое время отразить удар неприятеля. И нанести ответный удар, имея в несколько раз меньше бойцов.

Истории известны множество случаев, когда казаки громили в открытом бою многократно превосходящего их врага. В качестве примера здесь можно привести хронику зимовой станицы атамана Ивана Каторжного. В конце ноября 1636 г. атаман Каторжный с 36 казаками, отправился в долгий и опасный путь в Москву, через донскую степь, где в поисках добычи рыскали многочисленные разбойничьи шайки крымского хана Инайет Гирея и нагаев. Малочисленная зимовая станица Войска Донского, везущая богатые подарки царю, являлась лакомым куском для степных хищников.

Первое нападение произошло у Тёплого Ключа, когда три сотни татар атаковали казаков Каторжного, рассчитывая быстро и без особых потерь истребить неверных. Но донцы были начеку, ружейным огнём они остановили бешенный натиск татар и ударив в дротики, опрокинули их, и обратили в бегство ошеломлённых врагов. На реке Деркул, уже две сотни татар вторично атаковали зимовую станицу, но после жестокой схватки, они были разбиты и бежали. Однако богатая добыча, как магнитом притягивала хищных степняков и они в третий раз набросились на отряд изнурённых и израненных донцов, в открытом поле, между реками Айдар и Явсюг. Казаки, став в круг и сбатовав коней, долго отстреливались от степняков из пищалей, после чего ударив в дротики, рассеяли неприятелей превосходивших их числом, взяв в плен четырёх татар и доставив, впоследствии, в Москву. Как не вспомнить здесь оборону Кром в годы русской Смуты 500 казаками атамана Корелы и 500 местными жителями,

от противостоящей им 80000 армии воевод Шуйского и Мстиславского или знаменитое Азовское осадное сидение.

Ещё одним компонентом казачества стали монголы С принятием ими ислама при хане Узбеке, вызвало в монгольском обществе своего рода раскол. Часть монгол кереитов (кераитов) отказалась принимать ислам и подверглась притеснениям. Наиболее беднейшие кочевники христиане нашли приют в казачьих городках. Монгольская знать ушла на службу к русским князьям, которые охотно их принимали и давали уделы. Однако не стоит утверждать, как это делают некоторые историки, что монголы являются родоначальниками казачества. Ведь вся система казачьего самоуправления в точности повторяет такую же систему существовавшую в Киевской Руси, Новгороде и Вятке. Ни чего подобного у тюркских и горских народов не было. Казачий Круг и Рада, это тоже, что и Коло южной Руси или Вече Новгорода.

Не выдерживает ни какой критики сложившееся в советской историографии утверждение о том, что казачество произошло и сформировалось из беглых мужиков и холопов России и Украины. Впрочем этой точки зрения придерживаются некоторые историки и сейчас. Здесь невольно задаёшься вопросом, а какие собственно причины были у крестьян бежать в 14 – 16 веках в Дикое поле, туда где кочуют орды нагайских татар? Крепостное право? Его тогда и в помине не было. Несомненно, что на Дон бежали крепостные крестьяне и холопы Украины, но было это в 17 -18 веке, когда казачество давно сформировалось.

Мало того нет ни одного письменного источника в русских летописях и документах, где бы упоминалось бегство крестьян на Дон, вплоть до 1646 г. Когда атаман Чесночихин (Фёдоров) вёл на Дон более 3000 «вольных охочих Донския службы людей». По пути к ним пристало много беглых холопов, и воронежский воевода Бутурлин потребовал от атамана их выдачи, для дальнейшей передачи беглецов их хозяевам. Но получил резкий ответ: «Беглых боярских холопей мне ни кому выдавать не указано, а изымать их ни кому не сметь!».

Ни кто из историков не озадачил себя простейшим вопросом: а как собственно вчерашние мужики московские, да холопы украинские, нетвердо сидящие в седле, ни когда в жизни не державшие в руках сабель и дротиков, а зачастую ни когда не видевших не то, что пушек, но и завалящей пищади. Как тогда они смогли не только выжить в донских степях, но и с успехом противостоять крымским татарам, нагаям, горцам и туркам? Не только противостоять, но и наводить ужас на крымское и турейское побережье. Так к концу 16 века 10 – 12 тысячам казакам противостояло 100 -120 тысяч крымских татар, примерно такое же количество Больших, Малых, астраханских, анкерманских и прочих нагаев, 40 – 50 тысяч темрюкских и горских черкесов, а так же 10 – 15 тыс. турок, составлявших гарнизоны Азова, Кафы, Судака и других крымских городов. Превосходство почти тридцатикратное. Можно ли поверить, что вчерашний забитый мужик лапотник, пол жизни проходивший за сохой, вдруг, в одночасье, становится превосходным наездником, метким стрелком из пищади и лука (а хороший лучник готовился чуть ли не с пелёнок) и лихим рубакой. Становится казаком способным побеждать не только в единоборстве, но и вдвое, втрое сильнейшего противника.

Как же тогда объяснить тот факт, что во время набегов крымских и нагайских татар на Московское царство и Украину, они угоняли в неволю десятки тысяч тех же мужиков и холопов? И они не оказывали степнякам практически ни какого сопротивления. Но те же мужики, якобы оказавшись на Дону, вдруг чудесным образом преображаются и наводят ужас на своих врагов. Чем же объяснить этот чудесный метаморфоз? А может быть ни каких чудес и метаморфоз не было и в помине? Как и не было беглых крестьян на Дону. Ни кто из учёных, сторонников этой идеи, на все вышеперечисленные вопросы, ответов не дал. Они их игнорируют, или просто не задаются ими. Вот уж поистине: «Верую, ибо абсурдно». Однако беглые на Дону из России, с 14 по середину 17 века были, что несомненно и подтверждается множеством источников того времени. К тоже тогда бежал на Дон и дал новый толчок расцвета казачьего движения?

Для этого мы вновь обратимся к истории государства Российского. В дремучих лесах Заволжья, по берегам, по берегам реки Вятки, новгородские поселенцы утвердились ещё со времён Андрея Боголюбского. Новые поселенцы основали на её берегах народную республику, где все вопросы решались на Вече. В 1458 – 1459 г. великий князь Василий Тёмный покоряет Вятку, но не вмешивается во внутреннее управление этой территории, ограничиваясь взиманием дани и правом располагать её военными ресурсами.

Но при его сыне Иване 3, вятчане взбунтовались и изгнали московского наместника. Иван 3, несмотря на Казанский поход, направляет на подавление мятежа непокорных земель ещё одно войско под командой Ю. Шестка-Кутузова. Но ловкие вятичи сумели оправдаться в глазах воеводы и он возвратился в Москву с миром. Однако это не удовлетворило Ивана 3 и он отправляет в Вятские земли 60 тыс. войско под командой воевод Д. Шени и Г. Морозова. Обложив столицу вятичей, Хлынов, воеводы потребовали крестного целования и выдачи бунтовщиков. Силы оказались не равными и вятчане уступили.

В результате, по словам Карамзина: «... вывели оттуда всех нарочитых земских людей, граждан, купцов с жёнами и детьми в Москву». Царь поселил земских людей в Боровске и в Кременце, купцов в Дмитрове. Но часть вятчан не покорились Ивану 3 и ударились в бега, став „ворами и ослушниками. Куда же они ушли? Частью в северные дебри, частью на Волгу и Дон. Реки эти были прекрасно знакомы этим «русским норманам», не раз совершавшим по ним грабительские рейды, разоряя селения казанских и астраханских татар.

Вот что говорит Карамзин в своей «Истории»: «Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих „русских норманов“ столько же, как и Болгария (Волжская или Казанское ханство). Лёгкие вооружённые суда их непрестанно носились по Каме и Волге».

В том же 1488 г. в московские приделы были переведены 7000 семей новгородцев. В следующем 1489 г., ещё 1000 «голов» получила поместья в Московском, Владимирском, Муромском и других уездах по средней и нижней Оке. Десятки и сотни, насильно сорванных с насиженных мест новгородцев, так же ударились в бега и в «воровство». Единственная дорога которая им оставалась: на Дон и Волгу, в пределы ещё не контролируемые Москвой.

Этой же точки зрения придерживался и Евграф Савельев. Он указывал, что первое становище новгородских и вятских повольников, находилось на месте города Камышин. Согласно русским источникам, ещё с 12 – 13 века, ватаги ушкуйников и повольников возглавлялись «ватманами». К 16 веку это слово трансформировалось в «атамана». На Дону можно без труда найти следы пребывания как вятчан, так и новгородцев, так прозрачные, чистые озёра назывались ильменями, иней и изморозь – вишерой и так далее. До сих пор в словарном запасе донцов сохранилось множество «северных», новгородских слов: куфайка, панафида, трухмал, анагдысь, твиток, сиверка и другие.

Дон, как Новгород и Вятская земля знал древнерусский легендарный эпос – былины о Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Михайле Потыке, Казарине и другие. Тогда как в Московских землях и на Украине, он был забыт. Это ещё раз подтверждает неразрывную связь Дона с этими регионами и Киевской Русью, точнее её осколками, в виде остатков тьмуторканских славян.

Кроме того можно сослаться на исследование академика Ознобишина «К вопросу о происхождении донских казаков». Там приводятся параллели между Доном и Новгородом:

1. Духовные дела их решались гражданским вечевым судом или Кругом.
2. Священники и там, и там, выбирались жителями на Вече и Круге.
3. Девушка или женщина, выходя замуж, по мимо родителей, должна была публично говорить на Вече или в Круге, люб или не люб ей жених.
4. И у казаков и у новгородцев существовал обычай развода, чего не было на Украине и в России. Можно было свободно жениться или разводиться до 5 раз.
5. лица осуждённые за совершение церковных преступлений, сажались на цепь.

6. Водку и вино, вместо воды, освящали как на Дону, так и в Новгороде в день св. Николая и Козьмы.

7. Вдовы священники могли свободно совершать богослужение по найму и переходить их прихода в приход.

Все эти факты говорят о несомненной связи Дона, Великого Новгорода и Вятского края, заселённого новгородцами. Именно новгородцы и вятчане бурным потоком влились в ряды казачества, во время его упадка, вызванного разгромом Подонья Тамерланом. Сотни новых бойцов пополнили казачьи городки и начали шаг, за шагом вытеснять из поймы Дона казаков татар и нагайцев.

Историк Татищев, опираясь на утраченные ныне летописи, относил образование Войска Донского к 1520 г. А это значит, что всего через одно поколение, разрозненное казачество, выйдя из своих убежищ, сумело образовать свою республику. Следующую волну переселенцев на Дон составили уже москвиты, и опять же, не мифические беглые холопы. В 1533 г. на российский престол взойшёл малолетний Великий князь и Царь, Иван 4, впоследствии названный Грозным. Человек достаточно жёсткий и даже жестокий. С детства видевший попытки русского боярства ограничить власть царя в свою пользу и беззастенчиво грабивших при этом государство. Стремясь централизовать и укрепить свою власть, Иван 4 предпринял ряд жёстких мер.

Как писал Карамзин: «1544 – 1546 г. Опалы и жестокость нового правления действительно устроили сердца». В 1560 г. репрессии против боярства и преданных им дворян и детей боярских значительно усилились. В 1565 г. с введением царём опричнины, истребление и погромы бояр возросли ещё больше. Кроме этого 12,5 тыс. дворян и детей боярских, старых владельцев поместий, были из них выселены, так как их земли и поместья отходили в опричнину, с предоставлением им поместий в других уездах.

Всё это вызывало недовольство служилого сословия. Многие из них, не дожидаясь когда они попадут под подозрение, бежали за пределы Руси. Именно в эти и последующие за ними годы, на Дон хлынул новый поток переселенцев и был отмечен летописцами бурным ростом числа казачьих городков. Объяснить их естественным ростом населения нельзя. Вывод из всего этого следует только один: на Дон бежали изгнанные и опальные дворяне, дети боярские, купцы, служилые и посадские люди.

Искали убежища на Тихом Дону даже бояре и князья. Имена многих из них канули в лету, но сохранившиеся, дают представление о их составе. Это: князья И. В. Друцкий, И. С. Чертенский, более известный как Смага Чершенский, И. Ф. Трубецкой; дворяне: Л. Г. Безобразов, С. Воейков; дети боярские: П. Д. Голохвастов, М. Д. Похомов и многие другие. За короткое время численность казачества резко увеличилась, и оно ещё больше обрусело. На Дон пришёл цвет русского воинства. С разгромом опричников Новгорода, часть уцелевших его жителей, так же бежит на Дон и Волгу. С их приходом, резко активизируются морские походы казаков в Крым, Турцию и Персию.

Однако вернёмся вернёмся к мифическим беглым крестьянам. Если отбросить стереотипы, созданные советской исторической наукой, о бедственном, бесправном и жалком состоянии закабалённого русского мужика, картина представляется отнюдь не удручающая. Обратимся к запискам о России того времени европейских дипломатов и купцов того времени, упоминавшегося выше Иовия Герберштейна или трудам русских историков: Карамзина, Ключевского, Соловьёва.

Крестьяне начала, середины 16 века являлись людьми лично свободными. В Юрьев день они могли беспрепятственно покинуть обрабатываемые им земли бояр и дворян, и уйти к другому землевладельцу. Даже холопы (военнопленные обращённые в рабское состояние и являющиеся собственностью своего господина), самая бесправная часть русского населения, рассматривалась законом не как двуногая скотина, а как своего рода гражданами. Только одна княжеская власть могла лишить их жизни.

Кроме того существовал обычай, когда по смерти господина, все его холопы отпускались на волю. И что же? Подавляющее большинство из них, искали себе новых господ, вновь продавали себя в кабалу и в крепость. Ибо прожить в холопах было легче (!) нежели свободному крестьянину и посадскому человеку, которым нужно было кроме всего прочего платить подати. О холопе же, о его жене и детях, должен был заботиться их господин.

Первые элементы крепостного права в России начал вводить в конце 16 века Борис Годунов, а окончательно закрепостили крестьян первые Романовы. Мало того до Годунова российское законодательство ограничивало закабаление крестьян. По законом того времени, русский мужик мог сам закабалиться или продавать в кабалу сына не более четырёх раз. В четвёртый раз, он, отпущенный хозяином на волю, зависел только от себя и продаться в кабалу не мог. Этот факт говорит о том, что институт холопства в России не был обременителен в 16 веке для крестьянина или дворового человека. В некоторых случаях человек мог получить вольную чуть ли не в наказание. Ибо тогда он сам был обязан содержать свою семью и заботиться о многочисленном потомстве. Жизнь лично свободных крестьян была в некоторых случаях, как это говорилось выше, более обременительной и тяжелее.

Мало того, боярский холоп, владеющий оружием и изъявивший желание выступить вместе со своим господином в поход, становился свободным человеком и попадал в разряд так называемых детей боярских. Впоследствии дети боярские стали свободным служилым сословием, приравненным к дворянам. Из всего выше перечисленного, становится ясно, что в России 14 – 17 веков, не было ни каких внутренних факторов и предпосылок для бегства крестьян и холопов на Дон. Где им ежечасно грозила смерть и мусульманское рабство, в связи чуть ли не ежедневными набегами на казачьи городки крымских и нагайских татар, черкесов и турок. Ситуация начала меняться в Смуту.

Но опять же, крестьяне не бежали на Дон. Часть их присоединялась к донским казакам находящимся в России и впоследствии некоторые из них отбывали на Дон с казаками как казаки. Здесь нужно пояснить, что в Смуту, не смотря на такие переходы на Дон, некоторого количества россиян, в государстве Московском в целом, отношение к казакам сложилось негативное, как к разбойникам и грабителям. Казачьи отряды в течении почти десяти лет опустошали русские сёла и города. У большинства населения казак ассоциировался с вором и разбойником. Именно в те годы были сложены не одна, и не две народные песни о их бесчинствах. Я позволю себе привести отрывок одной из таких песен:

По той же порошице

И шёл тут обозец. Ой, с Дону, ой, с Дону. Не мал, не велик, а семеро саней. Во первых то санях – Атаманы сами

Ой, с Дону, ой, с Дону. Во вторых санях – Есаулы сами

Ой, с Дону, ой, с Дону. А в четвёртых санях – Разбойники сами

Ой, с Дону, ой, с Дону.

Перейдя на сторону народного ополчения, казаки помогли изгнать из России и Москвы поляков, но одновременно захватили часть волостей, пытаясь там закрепиться. Изгнав помещенных дворян, они по сути заменили собой это сословие и принялись собирать с крестьян оброк, не гнушаясь грабежами и разорением сёл и деревень. Целые волости пустели. А потому утверждать, что крестьяне бежали в стан своих притеснителей, абсурдно. На Дон в это время уходили шайки разбойников, давно отвыкших от сохи и хлебопашества, вытесняемые правительственными войсками. Большинство из них, привыкнув грабить не рискуя своими головами, остались в верховых городках, совершая разбойные набеги как на Волгу, так и на сопредельные российские территории. По требованию Москвы, и за невыполнение воли Круга, все эти воровские казаки были погромлены Войском Донским.

В 1627 г. атаман Епифан Родилов нанёс им поражение и взял приступом их городок. Все воровские атаманы, согласно Войсковому праву были казнены, а рядовые казаки нещадно биты

батогам. Одновременно с войсковым атаманом, царские воеводы усилили натиск на казачьи разбойничьи шайки за пределами Войска Донского. Но смогли окончательно вытеснить или истребить их только к 1630 г.

Перелом в сознании российского населения в отношении казачества произошёл в 1641 – 1644 г., после взятиями казаками сильнейшей турецкой крепости Азова, одного из центров работорговли на черноморском побережье, и Азовского осадного сидения. Именно в эти годы казачество стало символом борьбы с извечным врагом Руси – турками и их союзниками: крымским и нагайскими татарами. Ещё одним из мощных компонентов, беспрестанно пополнявших ряды донцов в 16 – 17 веке, стали торговые и служилые люди русских украинских городов входящих в так называемую Засечную черту. Часть из них, бросив свою службу и поместья, уходили на Дон на весенне-осенний сезон, для совместного похода с казаками за зипунами, часть проживала на Дону по несколько лет.

Казаки встречали служилых и торговых людей очень благосклонно, так как все они были опытными бойцами и значительно усиливали боевую мощь Войска Донского. Царское правительство смотрело сквозь пальцы на уход служилых людей на Дон и практически ни когда не наказывало из за это. Их поместья, земли, а впоследствии и крестьяне, оставались за их владельцами. Их прибывание на Дону, так же рассматривалась как своеобразная служба. Во время правления Ивана Грозного, царь своим указом переселил на Дон несколько сот городовых казаков, для укрепления Войска Донского.

Значительное обрусение казачества в результате его ежегодного пополнения россиянами, ещё больше укрепляло в из сознании идею защиты Руси и православия. Тем более, что у многих казаков в русских украинских городах находились семьи. Эти семьи, даже если казаки были уличены в «воровстве», не подвергались гонениям. Даже когда Войско попадало в опалу по воле Михаила Фёдоровича и его отца патриарха Всея Руси, казаки оставались верными союзниками Москвы.

Параллельно с усилением Войска Донского, за счёт россиян, шёл другой процесс. Оно пополнялось нагайцами, крымскими татарами, турками, горцами Кавказа, персами. Казаки принимали в свои ряды всех, кто был готов сражаться с ними бок о бок, против их врагов. Причём, в отличие от турок, нагаев, и крымцов, они не требовали отречься их от своей веры. В столице Войска Черкасске, существовала даже станица Татарская, в которой жили казаки мусульмане. Следы этих пришельцев можно и сейчас найти, изучая казачьи фамилии, которые говорят сами за себя: Татариновы, Калмыковы, Нагаевы, Грузиновы, Черкесовы, Евреиновы и так далее. Представители всех этих народов и стали теми «кирпичами» из которого выкристаллизовалось Войско Донское.

Часть 1 Донской хронограф 1380 – 1577 г.

Казаки хутора Средне Митякинского. Слева сидит Беляев Яков Акимович. Фото из домашнего архива автора книги.

Первое упоминание о донских казаках в российской истории мы находим в 14 веке, в «Русской летописи по Никоновскому списку 7, с 338 рукописные ряды», записанное архиманд-

ритом Антонием. В нём говорится, что донские казаки из городков Сиротин и Гребни, узнав, что князь Дмитрий Донской собирает войска борьбы с татарами, поспешили ему на помощь и поднесли на кануне Куликовской битвы священные дары: икону —хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребенской: « того ради последи прославился образ Пресвятые Богородицы Донской, зане к Великому Князю Дмитрию Ивановичу Донские казаки, уведавши о пришествии в Междуречии Дона и Непрядвы, вскоре в помощь благословенному Великому Князю и всему православному воинству на побежденье нечестивых агарян вручили».

В связи с этим возникает вопрос, кем собственно были донские казаки: потомками скифо-сармат, тюрками или может быть русскими беглецами? Этот спор длится довольно давно и на взгляд автора, ни одна из этих сторон не права в своих выводах, но с другой стороны, все они, по своему, правы. Противоречие этих двух утверждений лишь кажущееся.

Донское казачество, как и любой другой этнос или субэтнос, произошло в результате слияния нескольких этнических групп или их осколков, выделившихся в процессе исторического развития так называемых конквизий и консорций. В консорциях люди связаны общностью судьбы: секты, политические и прочие группировки. В конквизиях группы людей объединены однохарактерным бытом и семейными связями. Всё это означает, что в основе донского казачества, лежат отдельные группы торков и берендеев, известных под общим названием чёрных клобуков. Отождествляемых Карамзиным с казаками: « столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называемые черкасами, назывались казаками.» К ним присоединились уцелевшие семьи и кланы скифо-сармат, хазар, половцев, часть монголов христиан и кавказских горцев. Всю эту разноликую и разноязыкую общность, связанную общностью жизни сцементировали православные славяне, как остатки жителей Тмутараканского княжества и Белой Вежи, так и искатели удачи: бродники, зверовщики, рыболовы, новгородские и вятские повольники.

Кроме того на Дон и его притоки, впоследствии устремились русские служилые люди: дворяне дети боярские и даже мелкопоместные князья, не довольные своим положением в Московской Руси. Позже на Дон устремились посадские люди, не тягловые безземельные крестьяне и беглые крепостные крестьяне, в поисках вольной жизни и лучшей доли. Да и в самой России 15—16 веков, не тягловые, безземельные крестьяне именовались казаками: «Во первых, мы видим, что заселителями земель можно было всегда найти таких людей, не имеющих собственной земли, собственного хозяйства и долженствующих потому кормиться работаю на чужих землях, при чужих хозяйствах, при чужих хозяйствах, при чужих промыслах, а также бездомные люди назывались у нас казаками». «Соловьёв С. М. История России» Это подтверждается «Уставной Грамотой» великого князя Василия Тёмного к крестьянам Моревской слободы: «Платити им дрова и хоромной лес реками, и им казаком их мыта и явки не давати» Впрочем, эти казаки ничего общего с донскими не имели, за исключением своего названия и вольной жизни.

Второе упоминание казаков в русской истории, собственно как воинских людей, относится к 1444 г., когда татарский царевич Мустафа вторгся в Рязанское княжество и занялся грабежами разорением волостей. Взяв добычу, он хотел уйти в Золотую Орду, как вдруг выпал глубокий снег и ударили лютые морозы. Мустафа повернул коней к Переяславлю Рязанскому, где потребовал от горожан убежища от морозов. Переяславльцы, утрашённые грозным врагом, не посмели отказать татарам и впустили их в город без боя. Узнав об этом, великий князь московский Василий Тёмный, послал против грабителей князя Оболенского с московской дружиной и мордвой. Мустафа, опасаясь восстания переяславльцев, вывел своё войско из города и встал в десяти верстах от него, на берегу реки Листани, где и был атакован с одной стороны конницей и пехотой Московской дружины, а с другой стороны казаками рязанскими и мордвой на лыжах. Началось сражение, в котором, по словам Карамзина «Никогда татары не изъ-являли превосходнейшего мужества, одушевлённые словами и примером начальника резались

как иступлённые, но русская дружина и казаки одержали верх: «истребив врагов, и победители к чести своей завидовали славе побеждённых».

В 1468 г. Впервые упоминаются казаки московские. Так великий князь Иван 3 повелел своим воеводам, Руно Московскому и Ивану Звенцу-Устюжанскому идти против казанских татар на Каму взяв с собою дружину детей боярских и казаков. Казаков возглавлял атаман Иван Руда, ранее отличившийся при взятии одного из татарских городков, ворвавшись со своими казаками первым. Соединившись в Вятской земле, под Котельничем они шли берегом Вятки, черемисской землёй и далее по Каме, до татарского перевоза, предавая огню и мечу татарские улусы и селения. Татары привычные к набегам и грабёжам, растерялись, и не смогли организовать, сколь нибудь сильного отпора. Перехватив в одном месте 200 вооружённых казанцев, русские воеводы, не желая себя бесчестить атакой всех полков столь малочисленного неприятеля, вызвали равное им число охотников, среди которых были и казаки атамана Руды. Охотники без труда разгромили татар, взяв в плен двух мурз. Впоследствии атаман попал в опалу за своеволие.

В середине 15 века, в иностранных источниках упоминаются казаки явно не тюркско-татарского происхождения. Так в уставе генуэзских колоний от 1449 г. на Черном море, говорится о казаках, нападающих на татар и угоняющих их скот. Венецианский купец Барбаро, живший в 1436—1452 г. в Крыму и в России, писал: «В городах Приазовья и Азове жил народ, называющийся казаки, исповедовавший христианскую веру и говоривший на русско-татарском языке». Далее в его записках говорилось, что они имели выборных представителей.

В 1447 г. хан Занибек жаловался в Москву на казачьи разбои в «Поле» великому князю Ивану 3. На что тот дипломатично отвечал, что казаки, промышлявшие в «Поле» являются не его подданными, а бездомными удалцами разных народов промышлявших разбоем да воровством. Фактически эта и последующая переписка московских царей и татарских ханов, является ещё одним доказательством того что в «Поле», а значит и на Дону, в это время, через 97 лет после Куликовского побоища, православное казачество не перевелось, а продолжило своё существование. Конечно, это косвенный факт и его можно было бы не принимать во внимание, если бы он не подтверждался грамотой московского князя Ивана 3 направленной в 1502 г. Рязанской княгине Агрипине, еще пользовавшейся номинальной независимостью. В ней запрещалось давать иностранным посольствам большое количество городских казаков в качестве сопровождающих через «Поле», а также ходить казакам в «Поле» на поиск.

Так послу кафинского султана Алакозова, возвращавшегося в 1502 г. из Москвы через Дон, разрешалось взять только 10 рязанских казаков знавших дорогу. Делалось это из-за массовых уходов городского казачества к вольным донским казакам и совместного грабежа татарских и ногайских улусов. Это соображение подтверждается следующими строками великокняжеской грамоты: «Лучшим людям ходить в провожатые, потому что бояре и дети боярские и сельские люди служилые должны быть в его службе; а торговым людям, как лучшим так и средним, и чёрным отнюдь не позволяла бы отправляться с посольством сверх того, всем подтвердила бы накрепко, чтоб на Дон не ходили; ослушников возвращать и казнить, а если у ушедшего останутся на подворье жена и дети, и их казнить. Если же она Агрипина, этого делать не будет, то велела бы ему казнить и продавать».

С другой стороны, московские князья отправляли свои посольства под сильной охраной казачьих станиц, опасаясь за их безопасность. Так послу Морозову, следующему в Константинополь, даны следующие инструкции: «Посланы с Иваном Морозовым казаки рязанцы десять станиц, и список ему дан именной, где кого из них оставить, в Азове четыре станицы, в Кафе-четыре станицы, в Царьгород с собою взять две станицы, которых казаков оставить в Азове и Кафе, и ему тем казакам приказать: если крымский царь захочет идти на великого князя Украину, то станица ехала бы к великому князю, а другие оставались бы и ждали новых вестей,

и какие ещё вести будут, ехали бы к великому князю по станицам же, чтоб великий князь без вестей не был. «Использовать для этих целей дворян и детей боярских, не подготовленных для выживания в донских степях было нельзя.

Однако казаки активно действовали не только на суше, но и на море. Так в 1482 г., впервые упоминается морской казачий поход. Казаки, подойдя судами портовому турецкому городу Килесерджику, взяли его приступом и разграбили. Однако какие это были казаки не ясно, азовские, донские, или какие либо другие. И судя по всему, это был отнюдь не первый казачий поход к турецким берегам.

Тем временем от крымского хана вновь пошли жалобы на казаков. Так в 1503 г. Хан Менгли Гирей жаловался на то, что киевские и черкасские казаки ограбили турецких послов. А в 1504 г., он же просил отпустить турецких послов «на зиме... коли казаки не ездят и дорога чиста», то есть отпустить в Крым зимой, когда набеги прекращаются. На следующий год, хан вновь писал, что «от казаков страх в поле».

Однако в середине-конце 15 века донское казачество только вступило в фазу подъёма, и было ещё слишком слабо и малочисленно, чтобы вступить в борьбу за Дон. Укреплённые казачьи городки в дремучих лесах верховьев Дона, Медведицы и Хопра становились центром притяжения для беглых русских людей, недовольных жёсткой политикой московских князей, объединявших Россию. Ещё в 1458—1459 г. отец Ивана 3, Василий Тёмный, покорил вятский край, но ограничился лишь данью с этой северной земли и правом распоряжаться её военной дружиной. Однако через 30 лет вятчане взбунтовались и в 1488 г. и изгнали московского наместника. В ответ на это «воровство», Иван 3 отправил на усмирение непокорных многотысячную рать воеводы Юрия Шестка-Кутузова, для обеспечения тылов русских дружин, ушедших походом на Казань. Но ловкие вятчане сумели оправдаться в глазах воеводы, и тот с миром ушёл в Москву.

Однако такое положение вещей не устраивало великого князя, и он вновь отправляет 60 тыс. рать с воеводами: князем Д. Шеиным и боярином Морозовым. Обложив Хлынов, царские воеводы потребовали от населения крестного целования и выдали бунтовщиков. Вятчане устрешённые числом московских ратей уступили, и в результате, по словам Карамзина воеводы «вывели оттуда всех нарочитых земских людей, граждан, купцов с жёнами и детьми в Москву. „Князь поселил земских людей в Боровске и Кременце, купцов в Дмитрове“. Но часть вятчан – пассионариев, храбрых повольников, с жёнами и детьми ушли на Волгу и Дон, где они не раз уже были с набегами эти русские витязи, чьи «лёгкие вооружённые суда их непрестанно носились по Волге и Каме». В этом же 1488 г. В московские пределы были переведены 7000 семей непокорных новгородцев. В следующем 1489 г., ещё тысяча «голов» получила поместья в Московском, Муромском, Владимирском и других уездах. Десятки и сотни, насильственно сорванных с насиженных мест новгородцев, также ударились в бега: на Дон и в «поле», где они нашли прибежище у казаков, что вызвало новый пассионарный толчок и великокняжеский гнев на ослушников.

Новгородские поселения на Волге 15—16 века в районе г. Камышин были обнаружены археологами. Ещё с 12—13 века буйные ватаги повольников и ушкуйников возглавлялись «ватманами», К 15 веку это слово трансформировалось в «атамана». Даже произведя беглый лингвистический анализ новгородско-вятского диалекта с донским, мы найдём множество слов характерных только для данных регионов. Так, например, чистые озёра, как на Дону, так и на новгородчине назывались ильменями, изморозь на стёклах и иней – вишерой. Общими для Новгорода и Дона являются такие слова как: фуфайка, панафида, трухмал, анагдысь, твиток, сиверка, и другие. Дон как и Новгород знал древнерусский эпос-былины о Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Михайле Потыке, Казарине, тогда как в Московии и Малороссии он был практически забыт.

Кроме того, в качестве параллелей между Доном и Новгород-Вятским регионом можно привести исследования академика Ознобишина. В частности его работу: «К вопросу о происхождении донских казаков». Так как это издание дореволюционное, и малодоступное современному читателю, позволю себе указать несколько таких параллелей:

1. Духовные дела их решались гражданским вечевым судом или Кругом.
2. Священники также выбирались на вече или в Кругу.
3. Выходя замуж, женщина, кроме получения родительского благословения, должна была публично говорить на вече или в Кругу, люб ей жених или не люб. Женитьба помимо воли не допускалась.
4. Как у донцов, так и у новгородцев с вятчанами, существовал обычай свободного развода, можно было жениться и выходить замуж до пяти раз.
5. Лица, осуждённые за церковные преступления, сажались на цепь.
6. И там и там, особо был почитаем св. Николай и в день св. Николая и Козьмы, вместо воды освящались вино и водка.
7. Вдовы священники могли свободно совершать богослужения по найму и переходить из прихода в приход.

Всё это говорит о несомненной связи Дона с Великим Новгородом и Вятским краем. Именно новгородско-вятские повольники, бурным потоком влившиеся в уже существующее донское казачество, стеснённое со всех сторон татарами и нагаями, вдохнули в него новую жизнь. Сотни отборных бойцов, закалённых невзгодами сурового севера, пополнили казачьи городки. И уже через два поколения донские казаки начали стремительно вытеснять из Подонья казаков-тюрок: татар и нагаев.

Но только ли гнев на воров и ослушников вятчан и новгородцев являлся причиной столь негативного отношения великого князя московского, к бежавшим в Поле и на Дон? Ведь и в последующие годы, особенно при внуке Ивана 3, Иване Грозном, на Дон и другие заповольные реки бежали не только городовые казаки и лихая вольница, но и служилые люди: дворяне, дети боярские, да и князья. Примеров тому огромное количество. Приведу лишь несколько имён донских атаманов выходцев из служивого и княжеского сословия России. Это князья: Друцкий и Трубецкой, князь Чертенсктй, известный на Дону как Смага Чершенский, дворяне: Безобразов и Воейков; дети боярские: Голохвастов и Пахомов и множество других. А между тем Иван Грозный известный своей жестокостью, подозрительностью и злопамятностью, не только не карал их, но и прощал им все их вины и преступления, жаловал деньгами и поместьями. В чём же секрет столь рознящегося отношения московских государей к казачеству?

Для ответа на этот вопрос заглянем в «Историю Государства Российского» Карамзина, или в труды В. Соловьёва. С 1490 г. Началось сближение России с Крымским ханством и Османской империей. Войны с Литвой, Польшей и Ливонией оттягивали все ресурсы государства на запад, оставляя без защиты южные и юго-западные границы государства, где господствовали крымские татары, турки и хиреющая, но ещё страшная для Руси Золотая Орда. Золотоордынские ханы стремились покорить и подчинить своей воле крымских татар, которые в этой борьбе искали поддержки у усиливающейся Москвы. В свою очередь Иван 3 и его потомки постоянно призывали крымцов громить Польшу и Литву, и всячески отвращали от набегов на свои земли, сталкивая их с ордынскими татарами. Эта политика давала, свои плоды.

Крымские татары то и дело громили казанские и астраханские улусы. В сражении с ними погиб сын хана Золотой Орды Ахмата-Едигей. Крымский хан Менгли-Гирей опустошает Литву и Польшу, рассеивает орды Шиг-Ахмета. Ко всему этому, Москва успешно вела интенсивную торговлю с Азовом и Кафой. Казаки же, совершавшие набеги на крымцов, азовцев, и союзных с ними нагаев, были подобны бельму на глазу Ивана 3. Который не видел выгод от зарождающе-

гося донского казачества и всячески преследовал и притеснял казаков, которые находясь в полной изоляции, не только сумели выжить, но и вскоре стали бичом божьим для татар и турок.

Между тем в 1491 г., в русских летописях впервые упоминаются казаки мешчерские, позже, в 16 веке, становятся известны казаки путивльские, северские, соловецкие. В княжение Василия 3, на границе литовской упоминаются казаки смоленские. Польский король Сигизмунд не раз жаловался великому князю, что они не раз нападали на польско-литовские владения. Но кроме донских казаков в Поле бесчинствовали казаки мусульмане. Так в 1499 г. Ордынские казаки вторглись в русские владения, и подошли к Козельску, где ограбили село Олешню, но были разбиты перемышльским и одоевским князьями. Часть казаков была взята в плен и отправлена в Москву: «В лето 7008 (1499) придоша татарове ордынские казаки и азовские под Козельск и взяша сельцо Олешню, и князь Иван перемышльский и Одоевские князи их побиша, а иных изымаша и приведоша в Москву». На следующий 1500 г. 250 азовских и 500 ордынских казаков под командой Улу Черкаса и Карабая, соединившись, разбойничали в воронежских степях: напали на русское посольство князя Кубенского, ехавшего в Крым на переговоры с ханом. Боясь, что посольские бумаги попадут в руки воровских казаков, князь выбросил их в реку.

Но посольству, всё же удалось отбиться от нападавших, и добраться до владений крымского хана. Другому послу, князю Фёдору Ромодановскому повезло меньше. Его не только ограбили, но и взяли в плен, продав в Кафу, откуда он был выкуплен великим князем. Прибывший в Крым князь Кубенский жаловался хану Менгли Гирею на разбои азовских казаков. Хан в свою очередь писал о том турецкому султану и кафинскому паше, прося удовлетворить обиды русского посла и его свиты.

В этом же 1500 г., согласно работе украинского историка Ивана Кипрякевича «Взгляд на историю Украины», появляется первое упоминание о запорожских казаках, чьи зимовники располагались за днепровскими порогами. Это замечание весьма важно для изучения донского казачества, ибо оно, на протяжении столетий, не раз пополнялось низовыми запорожскими черкасами, и к этому времени могли иметь зимовники на Дону. Но первый, исторически зафиксированный факт пребывания запорожцев на Дону, мы находим в грамоте польского короля Стефана Батория от 20 августа 1576 г. В ней подтверждались права и вольности «низового запорожского казачества», расширенные в 1516 г.. За низовыми казаками вновь были закреплены земли, лежащие вниз по Днепру и Бугу вплоть до лиманов: «як из виков бувало по Очаковские улуси, и в гору реки Богу (Буга) по речку Синюху. От самарских же земель, через степь, до самой реки Дону, где ещё за гетмана казацкого Предслава Лацкорунского казаки запорожские свои зимовники мевали (имели)». Следовательно, уже при втором казачьем гетмане, запорожские черкасы, если и не полностью владели низовьями Дона, то контролировали их.

Здесь следует отметить одну особенность формирования запорожского казачества. Польско-литовские короли жаловали пустующие запольные земли вольным людям, для их последующего заселения и переводили их в казачье сословие. В качестве примера можно привести королевскую грамоту выданную Науму Кобелю: «Имеет Наум право людей к себе звать на те места, не тяглых и не письменных, добрых и не ябедников, не воров и не разбойников, которые из городов и волостей выбиты».

1501 г. Посол великого князя, бывший в этом году в Крыму, доносил в Москву отпиской, что «сын турецкого (султана) магметсалтан кафинской сее весны посылал ратью людей своих на чекасы триста человек, да двести человек черкас (здесь скорее всего речь идёт о черкесах) с ними же ходили, которые у кафинского служат».

1503 г. Азовские турки, соединившись с азовскими казаками, подстерегли в степи и ограбили русское посольство великого князя Ивана 3. Тот, узнав об этом, отправил хану Менгли Гирею грамоту с жалобой на бесчинства казаков: «от казаков на поле страх», и потребовал покарать их. Хан в свою очередь уведомил об этом турецкого султана: «ныне гораздо отведал

есьми в князя Ивановых послов и гостей, и водою и полем дорог стерегли и грабили наши азовские люди с казаками одиначившись». Узнав об этом, султан велел крымскому хану и своему сыну – кафинскому султану Магмету навести в Азове порядок: «чтобы они всех неблагонамеренных в Азове пашей, турок и казаков переловили и главнейших казнили бы».

Из донесения посла Заболоцкого становится известно, что во исполнение воли султана «Менгли Гирей отпускает в Азов своего сына, Бурнаша и с ним 1000 человек, чтобы переловить всех казаков, какие бы в Азове не были». Прибыв в Азов Бурнаш, выбил из города своевольных казаков, частью их истребив. Но, не смотря на постигший их разгром, азовские и ордынские казаки не утратили своего значения и вскоре даже усилились, подстерегая на сакмах и бродах посольства и торговых людей. Их беспрестанные нападения вынудили султана, крымского хана, и великого князя отправлять свои посольства под сильным прикрытием от 100 и более воинов и идти без задержек в пути.

Так в 1505 г. Великий князь сообщал Менгли Гирею, чтобы тот не мешкал и высылал в Путивль свой сильный отряд для охраны «поминок» и послов, «ибо Путивль город пограничный, чтобы на поле о них не проведали, на поле же великий страх от казаков». После усиления военной охраны посольств, азовские казаки, лишённые лёгкой добычи, стали совершать набеги на русские укреплённые пункты, что вызвало нарекания и жалобы Москвы к мусульманским властям. В 1514 г. Великий князь просил турецкого посла Камала, бывшего в Москве, передать султану: «Если (султан) желает быть с нами в дружбе и любви братской, то пусть запретит азовским казакам, чтобы они украинам нашим ни какого зла не причиняли». Султан обещал пресечь разбои, но азовские казаки не слишком считались с его волей.

В следующем 1515 г. они по приглашению польского короля поступили на службу к великому князю Литовскому, недругу Москвы. Это известие вызвало раздражение Василия 3, который велел послу Коробову, едущему в Константинополь с посольством, в числе прочего сказать: «если султан хочет быть с царём в любви и дружбе, то пусть запретит казакам ходить из Азова и из Белгорода к литовскому нашему недругу на помощь, и на наём». На что в последствии, Коробову было сказано: «Те казаки ходили в Литовскую землю без салтанова ведома, а салтан того не ведаёт». На своём пути в Азов, Коробов увидел на Северском Донце, в близи устья речки Калитвы, казачий отряд, о чём и донёс Василию 3 отпиской: «а выше, государь, Донца видели есмя перевоз, с Ногайская стороны, на Крымскую сторону перевозилися как бы человек с 100, а того, государь не ведаем, которые люди».

Кем были эти казаки сказать трудно. Е. Савельев полагал что это: «... были ни кто иные, как казаки запорожские или севрюки, двигавшиеся в то время на Дон». «Пока Москва была слаба, – писал Соловьёв – и всей Волгой, начиная от Казани, владели татары, движение казачьих партий на Дон было незначительно, и казачество не могло ещё представлять в «Поле» правильно организованной силы для борьбы с мусульманством». Можно ли согласиться с этим утверждением? На первый взгляд всё логично и закономерно. Но у того же Савельева есть упоминание грамоты русского посла Голохвастого, который из Азова и Кафы сообщал великому князю Московскому Василию 3, что: «нагаи теснимые казаками, хотели перейти Волгу, но астраханский царь их не пустил».

Кто же тогда были эти казаки? Пришлые черкасы-запорожцы? Но тогда бы они ограничились ограблением нагаев и не преследовали их упорно и безжалостно, вытесняя за пределы Дона. Если это были казаки астраханские или казанские, то нагаи навряд ли бы стали уходить от своих притеснителей под сабли покровителей этих самых казаков – астраханского и казанского ханов. Тогда остаются только донские казаки, издревле обитавшие во временных городках полукочевым обычаем в дремучих лесах по Хопру, Медведице, Бузулуку и Верхнему Дону.

Судя по всему, это была не малочисленная ватага лихих удальцов, а весьма крупный казачий отряд, начавший выбивать с Дона своих старых врагов и конкурентов – нагаев. И очень скоро казакам удалось сбить со стойбищ многочисленные нагайские улусы. Вынудив их тем

самым искать спасения в поволжских и прикубанских степях. Это предположение подтверждает российский историк 18 века Татищев, который в своей «Истории» писал, что Войско Донское было образованно в 1520 г., на 50 лет раньше, чем это принято считать. К сожалению, все исторические документы, на которые ссылался Татищев, были утрачены.

Однако в низовьях Дона ещё господствовали азовские казаки, беспрестанно тревожащие и разорявшие русские украины. Видя, что их нельзя унять силой оружия, Василий 3 обратился к Крымскому князю Аппаку, настроенному дружески к Москве с просьбой, предложить им служить ему, великому князю, за корма и жалованье. Аппак пошёл на встречу просьбе, и склонил было азовских и белгородских казаков перекочевать к Путивлю и служить России, но те вскоре изменили своё решение под давлением крымского хана, изменившего своё отношение к Москве. Он опасался её усиления. В результате чего татары прекратили междуусобную резню, подогреваемую Россией. Заключив союз и объединив силы, степняки стали готовиться к набегу в московские пределы.

В 1521 г. крымский хан Мухаммед Гирей заключил союз с казанским ханом Сахиб Гиреем и совершил опустошительный набег на Русь, угнав многие тысячи пленников. С этого времени отношения Москвы к донским казакам стало постепенно меняться и на степных удалцов, царь и бояре перестали смотреть только как на воров и разбойников, увидев в них зарождающийся щит России.

Утверждению Татищева об образовании Войска Донского в 1520 г., казалось бы, противоречит государев наказ, данный в 1521 г. русскому послу в Турции Тредьяку Губину, из которого следует, что ни каких селений по Дону нет. Скорее всего, на Дону, в то время, действительно не было постоянных казачьих городков. Так как их сил не хватало для основания городков на большой реке, куда был доступ турецкого флота, взявшего в 1471 г. генуэзский город-крепость Азов. Обосновавшись на мелководных, а потому малодоступных притоках Дона, казаки совершали стремительные набеги на турок и татар ниже по течению и не давали им закрепиться на реке. Тредьяк Губин, отправившись для переговоров в Константинополь, кроме всего прочего, должен был предложить туркам: «... как послам и гостям от обеих сторон по Дону бесстрашно ходить», и «... устроить России и Турции суда по Дону с военными людьми в нужном числе», с тем, чтобы турецкие суда плавали от Азова, а русские от украин до назначенной заставы на Дону, где посольства должны были пересаживаться для дальнейшего пути.

Первоначально местом обмена посольствами была предложена Переволока между Волгой и Доном, но рязанские городовые казаки, у которых просили совета по этому делу, заявили, что сходиться на Переволоке опасно из-за действий в этом районе астраханских татар и нагаев. Они предложили обмениваться послами на Медведице или лучше на Хопре, которые, судя по всему, контролировались донскими казаками. Однако этим планам не суждено было осуществиться из-за, совместного крымско-казанского похода на Россию, при активном участии турецких янычар. Кроме того, утверждение Турции на Дону было крайне не выгодно для Москвы в подобных обстоятельствах.

Турецкий же султан заинтересовался этим предложением великого князя, так как оно давало возможность закрепиться на реке, не смотря на противодействие донских казаков. И вскоре в Москву был отправлен турецкий посол Скандер. На переговорах в Посольском приказе он передал согласие султана на обмен послами на Дону, и объявил, что Турция построит в месте обмена город и он, Скандер, на обратном пути в Константинополь, выберет место его закладки. Однако Москва, крайне недовольная турецкой экспансией на своих рубежах, не была в том заинтересована и отправила турецкого посла не Доном, а через Путивль, степью.

Здесь следует отметить, что в уже упомянутом набеге на Россию крымского хана Магмет Гирея и азовских турок султана Сулеймана, по приказу польского короля принимали участие запорожские казаки гетмана Дашковича. Однако этот противоестественный союз продолжался

не долго. Уже на следующий 1522 год черкасы гетмана Дашковича погромили крымские улусы, и Магмет Гирей жаловался на них польскому королю.

В последующие годы донские казаки усилили своё давление на нагаев, разоряя их улусы и отгоняя скот. Отношения между ними обострились до крайности, вызывая многочисленные жалобы нагайских властителей. В тоже время в 1523 г. активизировались азовские казаки, бесчинствовавшие в Подонье, грабившие купцов, посланников и русские украины. Обеспокоенный этим великий князь Василий Иванович, отправил с дворянином Иваном Морозовым грамоту турецкому султану с жалобой на этих воров и просьбой, указать азовскому паше, усмирить казаков: «Наши украинные люди ходять по украине, иные по своей воле, иных наместники посылают в поле для соглядания злых людей, а твои азовские казаки емлют наших людей на Поле, отводят в Азов и продают, окупы же берут с них великие, и вообще твои азовские, людям нашим много зла причинили».

В 1527 г. запорожские казаки, не смотря на союз польского короля с крымским ханом, соединившись с российскими казаками, совершили набег на крымские улусы, в то время когда хан со своей конницей ушёл в поход на Москву. Хан жаловался польскому королю: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям»; «Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (Московского князя) под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву».

В 1535 г. московское правительство отправило посольство к нагайскому князю Исламу, во главе с дворянином Наумовым и в сопровождении казаков. Но как только посольство вступило на нагайские земли, мурзы и уланы, натерпевшиеся много бед и лишений от казаков, ограбили его и подвергли избиению, а казаков хотели продать в рабство. Положение спасло вмешательство князя Ислама: «Приехали к Исламу твои казаки, и вот князя и уланы начали с них платье срывать, просят соболей; я послал сказать об этом Исламу, а князя и уланы пришли на Ислама с бранью; ... и они все хотят казаков твоих продать». Конфликт, с трудом был улажен. В том же 1535 г. казаки сообщили в Москву о дворцовом перевороте в Казани: «В Москву приехали казаки, городецкие татары и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князя, мурзы и казаки, человек 60, объявили об убийстве царя Еналея и просили московского государя простить хана Шиг Алея, находящегося в русском плену, вернуть его из заточения с Белоозера и поставить его правителем Казани.

1537 г. Крымский хан Саип Гирей вновь жаловался польскому королю на казаков малороссийских, побивавших татар и состоящих в союзе с русскими казаками: «Приходят казаки Черкасские и Каневские, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям, я много раз посылаю к вашей милости, чтоб вы их остановили, но вы их остановить не хотели; я шёл на московского (князя): 30 человек за болезнью вернулись от моего войска, казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего неприятеля, а твои казаки из моего войска коней уводят? Я приязни братской и присяги сломать не хочу, но на те замки, Черкасы и Канев, хочу послать свою рать. А это знак ли доброй приязни братской? Черкасские и каневские властители пускают казаков с казаками неприятеля твоего и моего (великого князя московского), вместе с казаками путивльскими по Днепру, под наши улусы, и что только в вашем панстве узнают, дают весть в Москву; в Черкасах старосты ваши путивльских людей у себя держат; так как на Москву из, Черкас пришла весть за 15 дней перед нашим приходом». Но, не смотря на все меры, предпринимаемые польским королём, связь запорожцев с донцами и городскими казаками не прерывалась.

В 1538 г. мурза приволжской орды нагаев Кель Магмет вновь жаловался малолетнему Ивану 4 на обиды и разорение, чинимые ему и его народу русскими казаками. На это последовала уклончивая отписка Посольского приказа и Боярской думы: «На Поле ходят казаки многие-казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и с наших украин казаки с ними сме-

шавшись ходят. И не люди, как нам, так и вам тати и разбойники, а на лихо их ни кто не учит: сделав какое лихо разъезжаются по своим землям».

В сороковых годах 16 века донские казаки резко усиливаются и окончательно вытесняют с Дона и его окрестностей нагаев, татар и казаков мусульман. Об этом можно судить из отписки в Москву в 1546 г. путивльского воеводы Михайлы Троекурова, доносившего, что на Дону появились из «разных украин» многие казаки из «черкасцев и киян», в том числе «твоих государевых». По всей видимости, донские казаки снесли с запорожскими черкасами и, соединившись, очистили Дон по всему течению от татар и нагаев, установив полный контроль над всей рекой, вплоть до Азова. Казаки тюрки, до того беспрепятственно кочевавшие по Дону и окрестностям, и контролировавшие Подонье, по большей части были истреблены и рассеяны по степям. Вскоре совсем исчезли со страниц истории. Меж тем, утвердившись на реке, донские казаки стали устанавливать свои порядки, облагая данью проходящие мимо торговые караваны или попросту грабя их. В «крепких местах» появляются первые укрепленные казачьи городки, чьи обитатели с успехом отражали натиск степняков.

1548 г. После неудачного похода Ивана 4 на Казань, часть казаков бывших с ним в походе осело в украинских русских городах по Волге, «... дабы не допускать к Казани крымцов и нагаев, и кои после присоединения Казани и Астрахани, стояли на Волге, охраняя переправы большею частию у Переволоки и делая разъезды по степям для разведывания о предприятиях крымских». Так в 1548 г. посольство крымского хана к астраханскому царю (хану) Ямгурчею наткнулось на Дону, вблизи Переволоки на «острогу» – укрепленный деревянным тыном казачий городок. Все попытки татар взять «острогу» приступом были отражены её защитниками. По некоторым данным, это был городок атамана Михаила Черкашенина и мелкого путивльского помещика Истома Извольского, одного из самых известных казачьих атаманов, решившего контролировать важнейший торговый путь. Крымский хан Сахиб Гирей послал для его уничтожения мурзу Елбузука, но тот был разбит и отступил.

Казаки к этому времени настолько усилились, что не только с успехом отражали татар на Дону, но и сами с успехом совершали набеги на логово своего врага – Крым. В том же 1548 г. Иван 4 получил грамоту от нагайского князя Юсуфа с жалобой, из которой становится известно об успешном набеге на Крым, а второй их отряд ограбил нагайский торговый караван, шедший с товарами из Москвы в Заволжье. Московский самодержец обещал посланцам Юсуфа унять казаков, но, по всей видимости, сделать это было не так просто.

В 1549 г. Юсуф вновь жалуется московскому государю: «В нынешнем (1549 г.), наши люди шли в Москву для торгу, а осенью, как шли назад, ваши казаки севрюки, что на Дону стоят, пришли на них... и куны (деньги) их взяли». Вскоре вслед за первой грамотой приходит вторая, где князь пеняет Ивану 4 на не выполненное обещание обеспечить свободный и безопасный путь в Москву и назад: «... которые на Дону стоят русь, наших гостей в Москву едущих и возвращающихся оттоль, забирают. Если ты тех разбойников, что на Дону живут, к нам пришлешь или изведешь, то будет знаком дружбы, а нет, то не будешь союзник». На это московский государь уклончиво ответил Юсуфу: «Те разбойники, что гостей ваших забирают, живут по Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали чтобы их переловить, а наши люди добыть их не могут. Вы бы сами велели их переловить и к нам прислали, а мы приказали бы их показнить... Тебе известно, что на Поле всегда лихих людей много разных государств».

Такой уклончиво-дипломатичный ответ, с течением времени стал стандартной отпиской русских государей на все жалобы татар, нагаев, турок и персов, ведь это в большой мере перекладывало ответственность на плечи донских казаков. Только де эти воры и разбойники

во всём виноваты, а Россия здесь не причём и позволяло смягчить гнев сопредельных государей. Историк С. Соловьёв в своей «Истории России», говоря о 1549 г. пишет: «Видим, что казаки городовые, находящиеся под ближним надзором государства, сделавши что ни будь противное его интересам, уходили на Дон; так путивльские казаки, замешанные в деле ограбления крымского гонца, Левон Бут с товарищами, сказывали: было их на Поле 6 человек и весновали они на Днепре, потом пошли было в Путивль, но на Муромском шляху встретились с ними черкасские казаки, 90 человек, взяли их с собой и крымского гонца пограбили; после грабежа Левон Бут сам – четверт пришёл в Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Дон».

Впрочем, казаковали на Дону и Волге не только черкасы и русская буйная вольница, но и мелкие русские удельные князья. Так в том же 1549 г. русский гонец к астраханскому хану доносил в Москву: «Шли мы Волгой из Казани в Астрахань, и, как поравнялись с... устьем, пришёл на нас в стругах князь Василий Мещерский, да казак Лючига Хромой, путивлец, и взяли у нас судно царя Ямгурчея; я у них просил его назад, но они мне его не отдали и меня позорили».

Однако нагайские князья и мурзы, жалуясь на казачьи разбои и бесчинство казаков, сами вовсю грабили и разоряли русские укреплённые пункты. Так князь Юсуф отправил в Москву своих послов Сары Мурзу, Ельбулда и Довляткозя для того, чтобы свободно сообщаться с Россией, не боясь воровства. Иван 4 приветливо встретил мурз и обещал, что если нагаи не будут грабить и убивать русских посланников и торговых людей, то и оно со своей стороны не велит трогать нагаев. В результате переговоров, послы подписали шертъ, по которой, обе стороны обязались «... тех послов и гостей на Дону не стеречь, и не имати тех послов и гостей, и не грабити, и лиха ни какого не чинити». В свою очередь Иван Васильевич, желая склонить нагайскую Орду и её князя Юсуфа к союзу против Крыма, велел своему послу в Орде, передать князю следующие слова: «Дошёл до меня слух, что крымский царь недоброжелательствует вам... Астраханскому царю пушки и людей прислал на помощь. Я же, по дружбе вашей ко мне, повелел моим Путивльским и донским казакам крымские улусы воевать». Впрочем, донские казаки продолжали грабить и разорять не только крымцев, но и нагаев, ставя царя в неловкое положение.

В этом же 1549 г. на Дону появляется ещё несколько укреплённых казачьих городков, о чём в «Истории Государства Российского» упоминает Карамзин: «Казаки гнушались зависимостью от магометанского царства и в 1549 г. вождь Сарыязман, именуясь подданным Иоана, строил крепости по Дону». Более подробно, о первом упоминаемом казачьем атамане говорится в очередной грамоте к московскому государю нагайского князя Юсуфа, датированной 1550 г.: «Холопи твои нехто Сарыязман словёт, на Дону в трёх или четырёх местах города поделали, да наших послов и людей наших которые ходят к тебе и назад, стерегут, да забирают, иных до смерти бьют. ... Этого же году люди наши исторговав на Руси, назад шли, и на Воронеже твои люди – Сарыязманом зовут – разбойник твой пришёл и взял их. ... Дружба ли то, что на Дону твои холопи, Сарыязманом зовут, наших послов и гостей побивают и грабят?»

На это царь отвечал Юсуфу: «те холопи наши, Сарыязман и в нашей земле многое лихо сделали и убежали в Поле. Мы посылаем их добывать, а вы б от себя велели их добывать, к нам бы прислали».

Кто же такой Сарыязман? Где располагались его первые городки? Ростовские историки Н. С. Коршников и В. Н. Королёв считали его татаринном мещерским или азовским, однако он мог быть и русским, носившим татарское прозвище. Что ж первый и третий варианты вполне возможны. Сомнение вызывает второй, азовский вариант, так как азовские и донские казаки жестоко враждовали друг с другом и до Сарыязмана, и после него. Так в начале второй половины 16 века эта вражда была зафиксирована в русских документах. Московский посол писал государю, что ему нельзя послать вовремя вести в Москву «... потому, что азовские казаки твоими государевыми казаками не в миру». Впрочем, вполне возможно, что Сарыязман и упоминаемый позже Сусар Фёдоров, одно и то же лицо, а имя Сарыязман, не имя собственное,

а прозвище атамана, что было характерно для казаков 16 – 17 веков. Вполне вероятно, что это имя на Дону не употреблялось.

Городки же его, по предположению тех же историков, располагались по Верхнему Дону, откуда казакам Сарыязмана удобнее всего было перехватывать нагайских послов и торговые караваны на реке Воронеж. Благодаря татарским источникам, говорящим об «остроге» вблизи Переволоки, по крайней мере, можно сравнительно точно указать расположение одного городка. Очевидно, он находился в устье р. Иловли или вблизи её. Это вполне согласуется с указанными выше выводами о первоначальном расположении казачьих городков по Хопру, Медведице, Бузулуку, Иловле. С этого времени начинается стремительное расселение казаков вниз по Дону.

Уже в следующем, 1551 г. об этом становится известно из грамоты турецкого султана Сулеймана к нагайскому мурзе Измаилу, о которой нам стало известно благодаря отписке дворянина Петра Тургенева, бывшего послом у нагайских князей: «В наших магометанских книгах пишется, что пришли времена Русского царя Ивана, рука его над правоверными высока. Уж и мне от него обида велика: Поле всё и реки у меня поотымал, даже Азов – город доспел, до пустоты поотымал всю волю в Азове. Казаки его с Азова оброк берут и не дают ему воды пить из Дона. Крымскому хану казаки Ивановы делают беду великую, и какую срамоту нанесли! Пришли Перекоп воевали, и у вас оба берега отняли и ваши улусы воюют. И то вам не срамота ли? – как за себя стать не умеете? Казань ныне тоже воюют. Ведь это всё наша вера магометанская. Станем же от Ивана обороняться за один. Вы ведаете, что теперь в Крыму мой посажен хан, как ему велено так он и сделает. По просьбе Астрахани тоже пошлю царя; да и казанцы ко мне присылали же просить царя; и я из Крыма непременно посылаю его. Ты б Измаил мурза, большую мне дружбу свою показал: помог бы Казани людьми своими и пособил бы моему городу Азову от царя Ивана казаков. Станешь пособлять, – и я тебя царём в Азове поставлю, мне же помочь городу неудобно, находится далече».

Из этой, весьма выразительной грамоты Сулеймана, мы узнаём о грандиозных событиях, разворачивающихся на просторах Дикого Поля, от Азова до Казани и Астрахани. О событиях ни как ни отражённых в русских летописях того времени. В течение 1550 – 1551 г. донские казаки совершили четыре больших и успешных похода против многочисленного и хорошо вооружённого противника. Одержанные ими победы вызвали тревогу и опасения даже у турецкого султана, владыки одной из самых могущественных европейских держав, ставшего поспешно объединять весь мусульманский мир, от Черного моря до Волги и Каспия, для отражения стремительно усиливающегося, но немногочисленного казачества.

Несколько иначе и в другом свете, представлял в своих трудах зарождение казачества Е. Савельев. По его мнению, Дон в конце сороковых, в начале пятидесятих годов только начал заселяться городскими казаками: северскими, путивльскими, рязанскими, а так же запорожцами. Но тогда возникает вопрос, почему же ни один русский источник тех лет не упоминает о столь массовом исходе украинских городских казаков на Дон. Ведь для захвата Астрахани, Азова, разорения казанских и перекопских улусов, требовались сотни и тысячи отборных воинов. По самым скромным подсчётам, исход такого количества городских казаков, поставил бы украинные города в отчаянное положение. Но этого не произошло.

Быть может, донское казачество пополнялось за счёт бросивших свои поместья дворян и детей борских, ушедших в Поле казаковать? Опять же нет, лишь начиная с 60 – 70 г. 16 века можно обнаружить во многих приграничных степных уездах записи о детях боярских и дворянах, бросивших свои поместья и службу, и ушедших на Дон: «сбрёл в степь, сошёл в казаки». Но и эти беглецы, в подавляющем своём числе возвращались назад на Русь, где их «воровство» обычно прощалось после принесения повинной. Из всего этого следует, что на Дону действовали не пришлые «варяги», а в подавляющем большинстве своём коренные донцы, скрывав-

шиеся дотол в неприступных местах в верховьях рек. Накопив достаточно сил, они выплеснулись в буйном потоке пассионарного толчка в бескрайние степные просторы Подонья, сметая всё на своём пути и сея ужас в сердцах своих врагов, ослабленных внутренними распрями.

1552 г. Крымский хан Давлет Гирей, собрав огромное войско и получив от турецкого султана пушки и янычар, стремительно двинулся на Россию, грабя и разоряя приграничные сёла и города. Осадил Тулу, но был разгромлен подошедшими полками царских воевод. Он бежал преследуемый казаками вплоть до древней Тавриды, ставшей прибежищем степных хищников. Большая часть добычи и полона, захваченной татарами, в ходе преследования была отбита. Тем временем Иван 4, не ставший ещё Грозным, не смотря на исход лета, двинулся в Казанский поход, стремясь, раз и навсегда покончить с разорительными набегами казанцев, союзников турок и крымцов, и тем самым, и тем самым обеспечить себе тыл в борьбе с ними.

В 1552 г. казанским ханом стал астраханский царевич Едигер, десятью годами ранее поступивший на московскую службу, где быстро выдвинулся. Так в 1547 г., во время неудачного первого похода на Казань, он одним из русских «начальных воевод». Через пять лет, став казанским ханом, он отверг все предложения подчиниться Москве и стал проводить анти московскую политику. Это подтолкнуло Ивана Грозного к окончательному решению казанской проблемы.

Узнав об этом, в помощь царю выступило от 5 до 7 тысяч запорожских казаков. В след за ними пришли и донские казаки под предводительством атаманов Сусара Фёдорова и Семёна Казарского. Часть казаков осталась на Дону, для защиты городков от нападения турок крымцов и астраханцев» Е. Савельев. Точное количество пришедших к царю казаков не известно и колеблется от 2 тыс. до 10 тыс., (что маловероятно). 25 августа казачье войско, украшенное роскошными перьями пеликанов подошло к русскому лагерю. Это вызвало в русских войсках, приступивших к осаде города, беспокойство. В «Повествовании о Донских казаках» генерала Ригельмана, об этом сказано следующие: «Украсив с головы до ног птичьими перьями каждого казака, атаман повёл донцов к Казани». К городу казаки подошли ночью и, раскинув свой стан в виду русских войск, развели костры, в царском войске сейчас же обратили внимание на пришельцев. Фантастичность одевания казаков, резко подчёркиваемое среди ночной тьмы огнём костров, не на шутку испугала воинов русской рати. Приближённые доложили царю о приходе каких то «чудовищ».

Но вскоре недоразумение было разрешено. На следующий день, 26 августа, русские полки и казаки приняли первое боевое крещение под стенами Казани. Татары сделали большую вылазку, надеясь захватить осаждавших врасплох. Однако полки князя Михайлы Воротынского и казаки с большим уроном отбили мужественных казанцев: «Пищальщики, казаки стали на валу, стреляли до самой ночи и дали время Воротынскому утвердиться, насыпать землёю туры в пятидесяти саженьях ото рва, между Арскими полем и Булаком». Но осада могла затянуться, так как очень скоро должны были пойти затяжные осенние дожди и начаться холода.

Царь, желая ускорить падение Казани с наименьшими потерями, повелел сделать подкоп немецкому инженеру (розмыслу), между Арскими и Тюменскими воротами, а своим воеводам отыскать подземный родник, откуда осаждённые брали воду, и засыпать его, лишив горожан главного источника. Однако ни то, ни другое не удалось осуществить. Ни немецкий «розмысл», ни русские мастера не преуспели в своих начинаниях. И тогда это вызвались сделать донские казаки из занятой ими Доировой бани. Здесь следует отметить, что Карамзин, в своей «Истории» говорит, что этими работами руководили помощники немецкого инженера, под наблюдением князя Серебряного и Алексея Адашева. Но генерал Ригельман в «Повествовании о донских казаках», ссылаясь на утраченные (во время Черкасского пожара) документы, утверждал, что сами казаки были инициаторами подкопов и сами же их производили.

Как бы то ни было, но к 5 сентября казаки обнаружили подземный ход, идущий к колодцу, и прорыли к нему подкоп. Вкатив в него 11 бочек пороха, они взорвали их, лишив казанских жителей не только воды, но и части городской стены, взлетевшей на воздух вместе со своими защитниками. Казаки атамана С. Фёдорова, подкреплённые стрельцами, ворвались в пролом. Но после жестокой резни были отброшены татарами, не поддержанные другими русскими полками.

На следующий день часть донских и запорожских казаков влилась в рать князя Горбатого-Шуйского, отправившегося по приказу царя Ивана на штурм острога, расположенного за Арским полем, где укрывались разбитые полки мурзы Япанчи, которые в любой момент могли ударить в спину осаждавшим. После яростного штурма острог был взят, а его защитники перебиты.

Однако казанцы не хотели сдаваться и осада затягивалась. Для того чтобы отвлечь татар от основных подкопов и посеять в городе панику, царь велел казакам взорвать уже готовый подкоп у Арских ворот, где в тарасах ив землянках укрывались от обстрелов казанские жители. Фитили были подожжены, и взрыв страшной силы потряс осаждённую Казань. Часть городской стены, землянки и тарасы, с находящимися в них людьми взлетели в воздух, унеся жизни сотен защитников города и их домочадцев.

Татары, решив, что начался общий приступ, бросились с валов на русских ратников, подкатывающих к воротам туры. Началась страшная резня, в которую ввязались донские казаки Сусара Фёдорова. Стремительным ударом, они опрокинули яростно рубящихся казанцев, и на их плечах ворвались в Арскую башню. Им удалось захватить часть крепостной стены, открыв русским войскам дорогу в город. На улицах Казани начались жестокие бои. Но так как русские рати не были готовы к общему штурму, царь, опасаясь неудачи и её печальных последствий, приказал своим полкам отступить. Однако казаки и стрельцы князя Воротынского, не желая поступаться захваченным, засели в Арской башне и её окрестностях: «Они укрепились турами и рядом твёрдых щитов; сказав воеводам: „Здесь будем ждать вас“ – и сдержали слово: казанцы не могли отнять у них сей башни». (Карамзин) Все отчаянные попытки казанских татар выбить казаков и стрельцов, отражались ими убийственным огнём пищалей.

К 1 октября основные подкопы были закончены, казаки вкатили в них 48 бочек пороха, и затаились в ожидании своего часа. Общий приступ был назначен на следующий день. Иван Грозный «объявил войску, чтобы оно готовилось пить общую чашу крови». Он «велел быть впереди атаманам с казаками». Что в те времена, почиталось за особую честь и доверие, которой удостоивались лишь самые отличившиеся. Здесь мы снова обратимся к книге Ригельмана и тому как, он рассказывает о событиях 2 октября, опираясь на утраченные ныне источники: «Назначив время к поджёгу пороха, казаки стали на молитву, прося Господа дать своё знамение им, и впоследствии из облаков глас, глаголющ всем вслух: «победите и покойны будите».

После этого казаки взорвали заложенный в подкопах порох, уничтожив этим часть городской стены и устремились в образовавшийся. Они ворвались в город, где завязался у них горячий бой с татарами, мужественно защищавших свои жилища. В след за казаками, царь ввёл в Казань свои войска. Но казанские жители не желали сдаваться и иступлённо рубились у своих домов, и были почти поголовно вырезаны победителями. Части из них удалось вырваться из города, но и там они были атакованы русскими полками и истреблены.

Согласно донским преданиям, Иван Грозный, в знак своей признательности, хотел одарить казаков казной, но «донцы ничего не взяли, а просили, чтобы только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что царь им не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с крепким подтверждением и даже закланием о не нерушимости её «во веки веков». С этой грамоты были сняты копии и разосланы во все казачьи городки «для сведения казацкого».

И как утверждал генерал Ригельман, грамоты эти ещё читались в начале 18 века при собрании казаков в Кругу. На станичных сборах, во время особо торжественных случаев и в день Покрова Пресвятой Богородицы. Оригинал грамоты в последствии был отобран у Войска Донского Петром 1, после подавления Булавинского восстания, под предлогом замены её на новую. А все её списки – копии, уничтожены в станицах царскими чиновниками в последующие года. Часть их была якобы закопана казаками в тайных местах, а в последствии они были утрачены. До настоящего времени ни одного списка не сохранилось.

Турецкий султан Сулейман, встревоженный успехами русского оружия, активизировал создание мусульманской коалиции, для противоборства с Москвой, и склонил на свою сторону хранившего до того нейтралитет нагайского князя Юсуфа. Вскоре к ним примкнул осторожный астраханский хан Ямгурчей, опасавшийся, что Астрахань вскоре постигнет участь Казани.

В 1553 г. их лазутчики то и дело будоражили казанских татар и окрестные народы. Один за другим вспыхивали бунты черемисов, мордвы, башкир. Отряды стрельцов и казаков, оставленные на покорённых землях были почти полностью истреблены. Для окончательного смирения непокорного края, Иван Грозный отправил несколько карательных экспедиций. Но кроме нагайских и астраханских татар, подстрекавших казанцев, и прочие народы к бунтам, в них, отчасти были виноваты казаки, занимавшиеся их грабежом и притеснениями.

Не прекращались жалобы на казачьи разбои и нагайских владетелей Юсуфа и Измаила. Видя, что они могут склониться на сторону турок и крымцов, царь велел «изловить на разбоях» несколько воровских казаков и доставить их в Москву. В столице, в присутствии нагайских послов, они были повешены. Это несколько смягчило отношение между нагаями и Москвой. Для успокоения степняков, к ним также был послан дворянин Николай Боровицин, с известием, что Волга и окрестные земли от воров очищены, а зачинщики воровства и разбоев, в присутствии послов повешены. В данной посланнику грамоте говорилось: «А которые казаки на Волге гостей ваших грабили и били, и мы тех казаков перед вашими послами велили казнити, а которые впредь учнут на Волге стояти и послом, и гостем лихо делати, мы и тех же велим казнити».

1554 г. Но после усмирения казаков, ситуация на Волге и её окрестностях, не смотря на заверения русского государя, ещё более обострилась. Новые, многочисленные, отряды казаков, жадных до добычи, вновь обосновались на реке, совершая набеги на окрестных нагаев, союзных России, грабя их и отгоняя коней и прочих скот. Они перехватывали купцов и оббирали их дочиста, разоряли рыбные учуги и промыслы. Нагайские князья и мурзы вновь принесли свои жалобы на казачьи разбои и воровство. Беспреданно жаловались на казаков купцы и промышленники.

Иван Грозный тот час внял требованиям жалобщиков и отправил на Волгу сильный отряд ратных людей под командой боярского сына Григория Жолобова, для усмирения «неспокойных» людей. Послам же нагайским было заявлено, что всех «злых» казаков казнят, а на их место поставят «добрых» казаков в «которых воровства нет». Нагайским же владетелям была отправлена грамота: «А которые наши из нашей земли убежали и стоят на Волге, а у вас лошадей крадут и гостей побивают, а наших рыболовов грабят и побивают же, и мы на тех послали своего сына боярского Григория Жолобова».

Отправленный с грамотой к нагаям дворянин Андрей Третьяков получил следующий наказ: «Государь наш, господине! заповедь великую казакам учинил, чтобы улусам вашим лиха ни каких не делали, а которые казаки воровали, послов и гостей грабили, и лошадей у вас крали, и людей били, государь наш тех казаков всех казнил. А ныне поставил на Волге казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет». Тем временем Жолобов выбил с Волги

воровских казаков и разместил по реке гарнизоны ратных людей и казаков, велел им без жалости избивать воров. Однако искушение не миновало и их.

В этом же 1554 г. Иван Грозный предпринял поход на Астрахань, желая получить свободный доступ к Каспийскому морю и захватить богатый город. Царь решил усилить свои войска казаками, и отправил им грамоту, призывая их под свои знамёна. Узнав из государственной грамоты о новом походе русских полков под Астрахань, донцы в Круге решили идти на помощь царю. И три донских атамана: Фёдор Павлов, Андрей Шадра, и Ляпун Филимонов, повели свои буйные и страшные для врагов полки на Волгу, через Переволоку. Там они соединились с передовым полком князя Вяземского и пошли в его авангарде, так как конницы у князя было мало.

Через несколько дней казаки столкнулись у Чёрного острова с войском Ямгурчей. В коротком, но ожесточённом бою, они частью истребили татар, частью рассеяли. Уцелевшие ушли в Астрахань и в заволжские степи. Сам же Ямгурчей, испугавшись открытого столкновения с казаками бросился в Азов, ища спасения и преследуемый донцами. До стен турецкой крепости добралось лишь два десятка всадников. Преследуя бегущих, атаман Павлов настиг в Бозцыж – Мачаке царских жён и дочерей с большим обозом. Татары, испуганные стремительным продвижением донских казаков и русских войск, бежали из Астрахани в степи. Заняв опустевший город, воеводы, по указу царя, поставили ханом Дербыша, занимавшего пророссийскую позицию и отправили по улусам гонцов, объявить прощение татарам всех вин, и призывали их возвращаться в Астрахань.

На город была наложена символическая дань в 40 тыс. алтын и три тысячи осетров в год. Для соблюдения государевых интересов и наблюдения за порядком был оставлен дворянин Тургенев и отряд казаков. Между тем казаки, усмирив астраханцев, разгромили улусы князя Юсуфа и изгнали его вместе с сыновьями из кочевий. Они также искали спасения в Азове, где получили поддержку от турецкого султана деньгами и людьми.

1555 г. изгнанный донскими казаками хан Ямгурчей, заручившись военной помощью крымского хана Давлет Гирея и нагайского князя Юсуфа, двинулся к Астрахани, стремясь взять реванш и вновь овладеть ханским престолом. Степь тот час занялась пожаром братоубийственной войны. В феврале 1555 г. сыновья князя Юсуфа начали военные действия против князя Измаила, придерживавшегося пророссийской ориентации, и тот обратился за помощью к Ивану Грозному. Просьба его была немедленно удовлетворена; стрелецкий голова Кофтырев и казачий атаман Павлов ушли на помощь Измаилу. В апреле к стенам Астрахани приступил князь Ямгурчей с сыновьями князя Юсуфа, крымцами и янычарами.

Узнав об этом, атаман Ляпун Филимонов, со стрелецким головой Тургеньевым устремились к городу совместно с ватагой удалцов и служилыми людьми. Внезапно появившись у его стен, казаки и стрельцы вызвали в стане нагаев и татар панику. После короткого боя они рассеялись по улусам, но донцы продолжали их преследовать, громить и брать пленников. Между тем Дербыш, астраханский повелитель, вступил в переговоры с сыновьями князя Юсуфа и соглашался помочь им переправиться через Волгу, спасая тем самым их от казачьих сабель. Но требуя взамен полного истребления сторонников его давнишнего врага Ямгурчей, и смерти хана.

Усмирив сторонников свергнутого хана Ямгурчей, отряд Тургеньева и донские казаки покинули Астрахань, но вскоре встретились с государевым послом Кофтыревым и вновь двинулись в город, сопровождая посла. Дербыш замысливший измену Москве, узнав о их приближении, испугался разоблачения и ушёл в степи с верными ему татарами.

Иван Грозный, видя коварство хана Давлет Гирея, оказавшего военную поддержку казанским мятежникам и астраханским ханам Ямгурчею и Дербышу, решил нанести удар по крымским владениям. Получив известия, что летом этого, 1555 г., хан с ордой уйдёт в набег на пятигорских черкесов, союзников России, царь отправил воеводу Ивана Шереметьева из города

Белева Муравским шляхом с 30 тыс. дворян, детей боярских и стрельцов в Мамаевы луга, близ Перекопа. К русским полкам, в дороге, присоединились отряды донских казаков, ставших проводниками в безводной степи, так как царёвы воеводы степных дорог не знали.

Но Давлет Гирей у Изюмского кургана, внезапно повернул на Русь, имея 60 тыс. отборной конницы. Однако донцы, следившие за передвижением татар, вовремя узнали о неожиданном манёвре хана и сообщили об этом воеводе Шереметьеву. Тот, не медля ни минуты, устремился вслед крымским хищникам, движущимся к Туле. Царь, получив от воеводы тревожное известие о татарском нашествии, Немедленно выступил на встречу хану из Москвы.

Таким образом, хитроумный Давлет Гирей сам оказался между молотом и наковальней. Спасли его от полного разгрома письма государевых дьяков, сообщавшим столь радостное известие государевым наместникам. Те же, для успокоения подданных, разгласили это известие среди населения. Часть жителей попала в плен к татарам, и от них хан узнал о грозящей опасности. Не долго думая, Давлет Гирей стремглав бросился назад, в Крым. Но воевода Шереметьев, с русскими полками и казаками настиг татарский обоз и захватил его, взяв огромную добычу, лишив тем самым крымцов 60 тыс. заводных лошадей, 200 аргамаков 180 верблюдов.

Отправив под сильной охраной обоз и конские табуны в Мценск, сам воевода пошёл навстречу хану, имея всего лишь 7 тыс. дружины и донских казаков. В 150 верстах от Тулы произошло первое сражение, где русские войска и казаки наголову разгромили передовой полк ширинских князей, захватив их знамя. Наступившая ночь остановило побоище. Узнав от пленников, что им противостоит лишь горсть храбрецов, Давлет Гирей, боясь потерять лицо, решил остановить бегство и уничтожить ставших на его пути «безумцев». Начавшееся утром сражение длилось без перерывов 8 часов. Несколько раз русские воины и казаки обращали в бегство татар, но турецкие янычары стояли непоколебимо. После ранения воеводы Шереметьева, стойкость русских полков ослабла и под натиском во много раз превосходящего врага они побежали.

Спасли положение Алексей Басманов и Стефан Сидоров, засевшие с 2000 стрельцов и казаков в байраке, и трижды отражавшие пищальными залпами татар и свирепых янычар. Боясь быть застигнутым главными силами русских, Давлет Гирей ушёл в степь, не став преследовать остатки полков Шереметьева и пытаться отбить свой обоз.

1556 г. В марте этого года Дербыш окончательно изменил данной Москве шерти (присяге) на верность. Истребив её союзников, он снова подступил к Астрахани с верными ему мурзами и татарами. Он в течение трёх дней пытался выбить стрельцов и казаков, во главе с послом Мансуровым из укрепленного Малого города. Видя неравенство сил, Мансуров ушёл судами на Переволоку, где соединился с донскими казаками, несшими сторожевую службу. Царь, извещённый об этом, отправил 50 казаков с пищальями в помощь верному Москве князю Измаилу. И послал для «Астраханского дела 500 казаков с атаманом Ляпуном Филимоновым сухим путём». Волгой, под Астрахань двинулись на стругах стрелецкие головы Черемисин и Тетерин со стрельцами, а так же атаман Колупаев с казаками. Однако казачий полк Ляпуна Филимонова, двигаясь о двуконь, опередил их, и смело напал на Дербыша, не ожидавшего столь скорого появления донцов. Казаки, перебив многих татар и взяв большой полон, долго преследовали бегущих. Уцелевшие после резни астраханцы признали власть московского государя, но были лишены какой либо независимости и автономии.

После замирения астраханских татар, царь повелел «атаману Ляпуну Филимонову утвердиться у Волги на Переволоке», а сотнику Кобелеву, на речке Иргызе «для оберегания нагаев от русских и крымских нагаев», ибо на реке и в её окрестностях было ещё не спокойно. Так один из отрядов донских казаков, обязанных по воле царя охранять посольства и торговые караваны, пользуясь смутой и мятежом на Волге, прельстился богатыми товарами русских куп-

цов, плывших для торго в Астрахань, напал на них и ограбил. При русском дворе это вызвало недовольство.

Кроме того, нагаи, склоняемые Адашевым к русскому подданству, требовали от царя избавить их от соседства со страшными казаками. Царь, в обмен на присягу верности, обещал оставить на Волге стрельцов и «казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет». В столицу был приглашён атаман Ляпун Филимонов, где его склонили вместе с воеводой Кобелевым изгнать с Волги «воровских казаков». Атаман получил богатые подарки и его пожаловали в чин «сына боярского». Но из этой затеи ни чего не получилось. Казаки, узнав обо всём, немедленно сошлись в Круг, где все договорённости его были признаны изменой казачеству и атамана приговорили к смерти и убили. Произошло это драматическое событие в 1557 г.

В этом же 1556 г. на страницах истории опять появляется имя легендарного донского атамана Михайлы Черкашенина, в связи с его походом к берегам древней Тавриды, где казаки сожгли и опустошили прибрежные улусы под Керчью: «приходил с казаки в то же время, как диак (Д. Ржевский – С. М.) был под Ислам – Кирменью Миусом – рекою в море, а морем под Керець (Керчь – С. М.) и тут повоевал... и отошел здорово». Под Керчью атаман донских казаков взял двух языков, которых отправил в Москву: «месяца июня прислал Мишка черкашенин дву языков, один крымец, другой турченин...»

Тем временем и под Казанью вспыхнуло восстание татар и других инородцев. По указу Ивана Грозного, боярин Пётр Морозов с детьми боярскими, стрельцами, казаками и новокрещенами двинулся на усмирение мятежей: сжёг Чулымский городок и разбил мятежников на реке Меше.

Крымский хан Давлет Гирей, потерпевший поражение в 1555 г. во время набега на Русь, жаждал реванша, и в мае 1556 г. начал собирать свои чамбулы у Конских вод, вновь желая идти знакомой дорогой на Тулу и Козельск.

Однако Москва и донские казаки были на чеку, ожидая очередного набега крымских татар. Казаки, соединившись с отрядами черниговского воеводы Ржевского, стерегли от татар и нагаев на громадном пространстве от Дона до Днепра, и тот час оповестили Москву о намерениях крымских хищников. Отряды Ржевского были слишком малочисленны по сравнению с противостоящими ему татарами, а потому воевода и донцы склонили на свою сторону 300 запорожских казаков атаманов Млынского и Есковича.

Как только Давлет Гирей двинулся на Русь, донские и малороссийские казаки, со стрельцами Ржевского, бросились на Ислам Кирмень и Очаков, где 6 дней бились с ханским калгой, истребив множество турок и татар. Разорив вражеские улусы и захватив многотысячные конские табуны, казаки отступили преследуемые татарами, получившими подкрепления от очаковского и тегинского пашы. Казалось ещё немного и татары с турками отобьют конские табуны, но казаки заманили их в вентерь, и наголову разгромили.

Ханский калга, в отчаянии звал своего повелителя спешить на помощь Крыму, высылая одного гонца за другим. Ибо, на татар ополчились не только донцы и стрельцы Ржевского, но и запорожцы во главе с гетманом Низового Войска, князем Дмитрием Вишневецким. Он объявил о переходе на русскую службу с несколькими тысячами верховых и низовых черкасов. Вскоре после этого, гетман перешёл на Северский Донец, где основал свой стан недалеко от современного г. Каменск-Шахтинский; у балки, впоследствии получившей его имя – Вишневецкой.

Узнав о славных делах донских казаков и воеводы Ржевского, Вишневецкий, оставив сильный заслон между Сев. Донцом и Миусом, устремился к устью Днепра, где захватил остров Хортица, расположенный напротив Конских вод. Здесь он основал крепость и отправил с казачьей станицей грамоту Ивану Грозному, в которой писал: «что не требует у него войска: требует единственно чести именоваться россиянином и запрёт хана в Тавриде как в вертепе». Получив благоприятный ответ от царя, Вишневецкий со своими полками, молниенос-

ным ударом взял Ислам Кирмень и предал его огню, вывезя в Хортицу 24 пушки и запасы пороха. С другой стороны Крыма, черкесский князь, союзник России, принялся громить татарские улусы в Тамани: взял города Тамань и Темрюк.

Давлет Гирей, уstraшённый этими известиями, повернул орду, бросился назад и осадил, Хортицу, где засел неустрашимый гетман Вишневецкий с запорожцами. Хан 24 дня «без успеха приступал к этому острову». Потеряв многих воинов, Давлет Гирей без славы ушёл в Крым.

Пользуясь поддержкой Москвы, на Дону и Днепре казаки принялись спешно строить и снаряжать струги и чайки. Многочисленные казачьи эскадры устремились в Чёрное море, опустошая крымские берега. Морские набеги оказались весьма эффективными. У крымских татар не было ни сил, ни возможностей защищать всё побережье. Казаки без труда находили слабые места в обороне, стремительно нападали и, ограбив селение, беспрепятственно уходили в море, захватив добычу, полон, и освободив множество пленников.

Один из русских воевод, Данила Адашев, писал в Москву: «русская сабля, в нечестивых жилищах тех по сё время кровава не бывала... а ныне морем... в малых челнах яко же в краблех ходяще... на великую орду внезапно нападаше и повоевав и, мстя кровь христианскую поганым, здорово отидоша». Хан Давлет Гирей в отчаянии слал грамоты турецкому султану, взывая его о помощи, пугая вторжением в Крым самого Ивана Грозного.

Ещё одна партия донцов устремилась под Перекоп, в помощь русскому войску. Крымское ханство, атакуемое со всех сторон, оказалось в тяжелейшем положении: «Никогда ещё не бывало для России удобнейшего случая истребить остатки монголов, явно караемых тогда гневом божьим». В Крыму свирепствовала чума и голод, вызванный небывалой засухой. Но этого увы, не произошло.

1557 г. Голод и ужасные морозы этой зимой опустошили богатейшие татарские и нагайские улусы. Ко всему начались междоусобицы в нагайской Орде, так и в Крыму, где татарские вельможи хотели свергнуть с престола Давлет Гирея и объявить ханом Тохтамыша. Но заговор открылся и неудачливый претендент на ханский престол, бежал со своими сторонниками в Россию, где просил у Ивана Грозного убежища и покровительства.

Турецкий султан, обеспокоенный захватом гетманом Вишневецким Днепровского лимана и разорением Ислам Кирменя, послал к Хортице войска и осадную артиллерию. Обложив крепость, турки несколько недель безуспешно штурмовали казачью твердыню, но взять её так и не смогли. Все приступы запорожцы отбили с большим уроном для турок. Но то, что не смогли сделать свирепые янычары, сделал голод и отсутствие пороха. Разрушив крепость, гетман Вишневецкий ушёл в литовские пределы, заняв Черкасы и Канев. Утвердившись в них, он вновь предложил свои услуги русскому царю по завоеванию для Москвы южных днепровских земель. Однако это в планы русского самодержца не входило. Так как занятие Вишневецким, как русским подданным Черкас и Канева, означало войну с Речью Посполитой, и он призвал князя в Россию, дав ему в вотчину г. Белёв, со многими богатыми волостями.

Для умирения казаков, оставленных в прошлом году на Волге, для несения государственной службы, но ограбивших русских купцов, царь отправил из Казани, в район самарского устья, сильный отряд сына боярского Степана Кобелева. В район Переволоки был послан атаман Ляпун Филимонов, с наказом истреблять воров, нести сторожевую службу и сопровождать караваны судов. Однако это была капля в море. У Москвы просто не хватало служилых людей для того, чтобы контролировать 1500 вёрст великой реки, а развитие на Волге торговли, судоходства и рыбных промыслов, и влекли к себе как магнитом разбойные казачьи ватаги, которые объединяясь друг с другом, уже могли не бояться и государевых ратных людей. К тому же, как уже говорилось выше, казаки атамана Филимонова, отказались громить своих собратьев и сойдясь в Круг, расправились со своим предводителем.

Особенно сильно страдали от казачьих набегов перешедшие в русское подданство нагайские улусы: «нагаи пришли в ужас, не знали, где деваться, боялись потерять жён и детей своих, ожидая неминуемой гибели». (Сухоруков) Нагайские князья продолжали беспрестанно жаловаться царю и его служивым людям: «... Урус де князь не гораздо чинит: от государя отстает и хочет со государем завоеваться и послов государских переграбил, а только государь велит де казаком у нас Волгу и Самар, и Яик отнять, и нам де на сём от казаков пропасти, улусы наши и жён и детей поемлют, и нам гдеся дети (детья)». Впрочем, здесь следует отметить, что так называемые «мирные» нагаи, давшие шерть (клятву) на верность Москве, были таковыми номинально и при каждом удобном случае сами грабили русские уклады, и уводили в полон население, обвиняя во всех грехах «не мирных нагаев».

После смерти князя Измаила, сдерживавшего своих подданных от разбоев на русской стороне, его приемник стал смотреть сквозь пальцы на их набеги. А потому, для удержания нагаев в повиновении и страхе перед Москвой, казаки были как нельзя кстати. На требование нагайских князей и мурз свести всех казаков с Волги, в посольском приказе жёстко отвечали: «Государь сыскав виноватых, с Волги казаков сбить велит и жить им вперёд не велит на Волге, а которые не виноватые, и тех с Волги за што сводить? А их (нагайских мурз) люди перевозившие за Волгу, да вместе с крымскими людьми ежегод приходят на государеву Украину войною; да сего лета их нагайские люди, вместе с крымскими людьми и з Дивеевыми детьми и неодио приходили на государеву Украину войною и многие убытки поделали, и они б вперёд своих людей уймали».

Жаловались на «мирных» нагаев, совершавших грабительские набеги, осёдлые жители поволжья и сами казаки, страдавшие от набегов степняков: «А то нам ведомо: украинцы кодомские, и темниковские, и мацкие, и алаторские, и курмышские, и свияжские, и тетюшанские, все горные стороны, и казанские люди, и донские, и волжские, и астраханские казаки, за свои досады нам беспрестанно бьют челом, чтоб нам освободить ваши улусы, против воевать, что им от ваших нагайских людей и многие тесноты и убытки составляются, и мы, своих досад таких от ваших нагайских людей не помятуя, а помня к себе крепкую любовь и дружбу отца вашего Исмаила князя, тем всем людям заказ свой царской крепкой учинили».

1558 г. Начавшаяся война с Ливонией, требовала бесстрашной казачьей конницы, и Иван Грозный прислал на Дон грамоту, в которой призывал казачество на войну, суля донцам жалование и долю в военной добыче. Несколько сотен «охочих» казаков, во главе с атаманом Заболоцким откликнулись на призыв царя, и ушли в далёкий поход. Прибыв на театр военных действий, они находились под командой князя А. Курбского и осаждали Дерпт. Кроме этого, они совершили несколько опустошительных рейдов по тылам противника, нарушая коммуникации и разоряя селения и хутора.

Между тем, на Дону, год выдался жаркий. Зимой 1558 г. хан Давлет Гирей, «умысля злое христианству», зализав старые раны и казнив мятежных мурз, собрав 100 тыс. войско из крымцов и нагаев, вновь двинулся на Русь. В поход хан послал своего сына Магмет Гирея, князей и мурз крымских, мурзу Дивея с братьями и пришедших к нему мурз Большого Нагая.

Разделив орду на три части, он стремительно двинулся вглубь государства. Сын его, Магмет Гирей пошёл на Рязань, уланы Магмеда к Туле, а нагаям и князьям ширинским к Кашире. Но у р. Мечи, узнав от пленников, что царь, вопреки ожиданиям, находится в Москве, гетман Вишневецкий в Билёве, а воевода Шереметьев в Рязани, с отборным войском готовится отразить татарское нашествие. Давлет Гирей приостановил движение своей конницы. Известие о сильных полках князя Воротынского, стоящих у Тулы, заставило хана вовсе отказаться от первоначальных планов. Видя, что его везде ждут и готовы сразиться, Давлет Гирей не дерзнул идти дальше и повернул орду назад, спешно отходя к Крыму. Князь Воротынский, истребляя и пленяя бегущих татар, «шёл по трупам».

Тем временем в Бахчисарае шли переговоры о заключении мира между Россией и Крымом. Давлет Гирей заверял русских послов в дружбе, ссылаясь на посылку своих войск в поход на Литву и предлагал заключить мирный договор. В обмен на это он требовал от России выплаты поминок. Но в Москве этим заверениям не верили и в начале 1558 года, царь Иван отправил князя Вишневецкого на Днепр с пяти тысячным отрядом, приказавши черкесам и донским казакам, помогать ему с другой стороны.

Война в Ливонии продолжалась и в след атаману Заболотскому с Дона, в Прибалтику ушёл атаман Михайла Черкашенин с более чем двумя тысячами казаками. Их общая численность в Ливонии достигла 3000 человек. Появившись здесь, донские казаки покрыли себя славой в боях с немцами «оказывая чудеса храбрости». Так при осаде Шмильтена «... казаки наши разбили ломami каменную стену его и долго резались в улицах с отчаянным неприятелем». Россияне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню всё, что не могли взять с собою, истребили, таким образом, одиннадцать городов; три дня стояли под Ригой, сожгли множество кораблей в устье Двины, опустошили её берега, приморскую землю, Курляндию до Пруссии и Литвы». Полк атамана Заболотского отличился при осаде Дерпта и в рейдах по Ливонии.

1559 г. Чтобы крымский хан не успел опомниться и собраться с силами для нового набега на Русь, Иван Грозный отправляет гетмана Вишневецкого на Дон, дав ему 5000 детей боярских, стрельцов и казаков, велев ему идти судами на Азов и оттуда воевать Крым, соединившись с черкасскими князьями. Со стороны Днепра, к Крыму, двинулся известный своим мужеством окольничий Данило Адашев.

Начиная большую войну с Крымом, царь хотел заручиться поддержкой нагаев, ещё не принявших чью либо сторону. Для склонения мурз к союзу с Москвой, царь отправил в Орду своего посла Елизара Мальцева. Предвидя, что мурзы будут упрекать посла в казачьих разбоях, Мальцеву было приказано отвечать: «А которые казаки (донские) воровали, послов и гостей грабили, и лошадей у вас крали, и людей били, и государь наш тех казаков казнил; а иные от государя нашего забежали в Азов и Крым». Однако, не смотря на это, ни где в русских источниках мы не находим сведений о том, что царь отправлял войска на Дон, для усмирения буйной вольницы. Скорее всего, царь только демонстрировал перед нагайскими князьями свою непричастность к воровству донцов и решимость с ними бороться.

Часть нагайских мурз, уцелевших после неудачного восстания против хана Давлет Гирея, вновь подняли свои головы, желая ему отомстить. Начав военные действия против Крыма, они отправили Ивану Грозному грамоту, в которой просили царя о помощи и союзе против общего врага. Желая помочь нагаям, царь отправил на Дон грамоту, призывая казаков действовать заодно с нагаями, отвлекая на себя часть сил Давлет Гирея.

В апреле донские казаки, соединившись с черкасами гетмана Дмитрия Вишневецкого и черкесами князя Каноква осаждали и штурмовали Азов, но неудачно. Впрочем, турецкий султан так не считал, и в своей грамоте к нагайским мурзам писал, что казаки Ивана IV отняли у него «поле все, да и реки, да и Дон», блокировали торговый Азов и принудили город к оплате оброка.

Той же весной 1559 г. объединённые войска донцов и нагайских мурз двинулись к Перекопу, где кочевали отколовшиеся от Орды улусы и ставшие под руку Давлет Гирея. Однако те, уже знали о предстоящем походе от перебежчиков и сосредоточились у Перекопа, ожидая удара. Но казаки и ордынские нагаи на голову их разбили и обратили в бегство. Беглецы спаслись в Крыму, где сели в осаду за перекопским валом. Но донские казаки не собирались класть свои головы в кровавом штурме этого укрепления. Отбив 15 тыс. лошадей и множество другого скота, они двинулись с союзными им нагаями вдоль побережья, громя владения крымского хана, истребляя татар и освобождая русский полон в улусах по Ингулу и Бугу. Достиг-

нув Белгорода и Очакова и взяв огромную добычу, толпы пленных; особенно женщин и детей, казаки и нагаи двинулись на Дон.

Они беспрепятственно миновали Перекоп, защитники которого, напуганные действиями казаков и их союзников, даже не предприняли попытки отбить угнанный скот и пленников. Вернувшись из набега, казаки и нагайские мурзы отправили в Москву своих послов, которые были благосклонно приняты царём и боярами, и одарены за свою службу богатыми подарками. Сверх этого, атаманам и казакам, государевым указом было позволено беспошлинно торговать в русских городах, а на Дон было отправлено государево жалованье, за верную службу. Нагаям же, согласно их просьбе, было позволено кочевать между Доном и Волгой.

Тем временем окольных Данила Адашев с 8000 детей боярских, стрельцов и донских казаков, сев на суда вблизи Кременьчуга, беспрепятственно спустился в Чёрное море, где захватил 2 турецких корабля, и тот час устремился к берегам древней Таврии, и высадился на западном побережье. Там он в течение 2 недель «жёл юрты, хватал стада и людей, освобождал российских и литовских невольников». В Крыму началась паника; улусы пустели, а жители их убегали в горы, ища спасения в непреступных местах. Ни кто не откликнулся на призыв хана; он «звал воинов, видел только беглецов». Наполнив суда добычей, освобождённым полом и татарским ясырем, Адашев со стрельцами и казаками, медленно двинулся к Очакову, где освободил захваченных в Крыму турок, и отправил их очаковскому паше со словами, что воюет не с турецким султаном, а со «злодеем Давлет Гиреем». Паша был удовлетворён объяснениями россиян, с честью проводил посла и отправил Адашеву дорогие подарки.

Тем временем, хан, узнав о малочисленности стрельцов и донских казаков, спешно собрал войско и бросился в след медленно поднимающемуся вверх по Днепру флоту россиян. Но те ни сколько не смутились, видя превосходящего врага. Казаки и стрельцы с успехом отбивались «огненным боем» от нападающего неприятеля, и устлая его трупами берега реки. Преодолев пороги, Адашев со своей дружиной стал у Монастырского острова, готовый к сражению, но Давлет Гирей так и не решился завязать бой и ушёл в Крым.

Успехи гетмана Вишневецкого, на этот раз, были не столь впечатляющи. Соединившись с донскими казаками, гетман на реке Айдар перехватил и истребил несколько сот крымских татар, стремившихся пробиться к Казани, чтобы поднять там новое восстание. После чего Вишневецкий начал громить приморские улусы нагаев. Тем временем, от черкесских князей в Москву пришла грамота, с просьбой прислать к ним смелого полководца, чтобы воевать Крым, а так же прислать «церковных пастырей, чтобы просветить всю их землю учением евангельским». Царь эту просьбу удовлетворил, отправив в черкесские земли отважного гетмана Вишневецкого с отрядом донских казаков.

В этом году война в Ливонии продолжалась. Казачьи полки, бывшие там, в 1558 г. сменились, и им на смену пришли полки атамана Петра Пронца и атамана Василия Янова. Казаки Пронца отличились при осаде и штурме крепости Смелтин и первыми ворвались в неё. Казаки атамана Янова были переброшены на территорию Литвы, где отличились под Могилёвом в боях с лучшей литовской конницей. На Дону, казаки М. Черкашенина разгромили в верховьях Сев. Донца большой отряд крымских татар, шедших в набег на Русь. О чём атаман сообщил в Москву отпиской, и прислал государю захваченных «языков». Казаки верили в удачу знаменитого атамана, считали его «характерником» – полагали, что он может заговаривать пули, и ядра.

Тем временем, не смотря на все предпринятые меры, осенью 1559 г. татары появились у Пронска, но были разбиты воеводой Бутурлиным. В ноябре, свыше 3000 татар мурзы Дивея и ширинских мурз «безвестно» пришли в Тульский уезд и Ростовскую волость, разорив и ограбив там ряд селений. Воевода князь Татев, не смог их преследовать, так как русские войска к этому времени были распущены по домам.

1560 г. Впервые в русской истории был зафиксирован факт массового и легального переселения городских казаков на Дон. В этом году, Иван Грозный, своим указом отпустил на Дон «казаков многих» и «ослободил их во все свои города ездити торговати». (Синодальная летопись) Об этом так же говорится в трудах Татищева: «Одни жили в Месчере, по городам и главный их город был на Дону, называемый Донской, где нынче монастырь Донской, 16 вёрст ниже Тулучеевой, а когда Иван 4 Нагайских татар в Месчеру перевёл, тогда оные казаки из Месчеры все на Дон переведены». По всей видимости, эти казаки заняли среднее течение реки. Точное их число не известно, но очевидно их было от нескольких сот до нескольких тысяч. Иван Грозный не только удовлетворил желание казаков признать их права на Дон «до тех мест, как им надобно» (А.И.Ригельман), но и приказал написать в грамоте «кто, буде, дерзнет сих Донских Казаков с мест их сбивать, тот да будет проклят на веки веков».

Осенью этого года, предположительно в ноябре, восставшие против крымского хана черкесы жанеевцы, совершили набег на Крымское ханство и пытались взять штурмом Кафу, базу турецкого флота. Но потерпели жестокое поражение. Князь Каноков, давний союзник донцов, попал в плен и был казнён. О чём хан сообщил 22 ноября грамотой в Стамбул.

В этом же году ватага донских казаков переволоклась на Волгу за зипунами, где они промышляли разбоем в районе Жигулей.

1561 г. Весной донские казаки, соединившись с запорожцами под командой гетмана Вишневецкого, совершили морской поход на Кафу, где сожгли и ограбили городские предместья, и окрестные селения, взяв большую добычу и ясырь. Так же они освободили многих христианских пленников, отпущенных впоследствии на свою родину.

Однако вскоре обстоятельства переменились, и гетман стал тяготиться службой Ивану 4. Вернувшись из Кабарды, где он возглавлял горских черкесов в войне с крымцами и нагаями, он был заподозрен в измене. Так, по крайней мере считал Карамзин: «усердный ко славе нашего отечества и любив Ивана добродетельного. Он не хотел подвергать себя злобному своенравию тирана: из воинского стана в Южной России ушёл к Сигизмунду, который принял Дмитрия милостливо, как злодея Иванова и дал ему собственного медика, чтобы излечить сего славного воина от тяжкого недуга произведённого в нём отравой». Но, события, последовавшие за казнью князя в Стамбуле, ставят под сомнение верность этих выводов.

Летом 1561 г. Вишневецкий отправил с Монастырского острова письмо королю Сигизмунду-Августу с просьбой прислать ему глейтовый (охранный) лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно согласился принять Вишневецкого к себе на службу и 5 сентября того же года прислал ему глейтовый лист: «Памятуя верная службы предков князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, мы принимаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский». Получив охранную грамоту, Вишневецкий вместе с польским магнатом Альбрехтом Ласким приехал в Краков, где был с восторгом встречен горожанами. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Вскоре после этого Вишневецкий сильно заболел.

Правда это или нет, неизвестно. Вслед за Дмитрием в Литву отъехали и два его брата: Алексей и Гаврила Черкасские. Всё это происходило в разгар войны с Речью Посполитой. Запорожские реестровые казаки, верные присяге данной королю Сигизмунду, всюду грабили русских купцов, и посланников, шедших в Крым. Но уйдя от русского царя, Вишневецкий не изменил России, в отличие от князя Курбского, командовавшего польскими войсками в войне против своего Отечества.

1562 г. Война в Ливонии затягивалась и требовала всё новых войск. Царь отправляет на Дон очередную грамоту, с призывом к донцам идти на государеву службу в Литву и Ливо-

нию, обещая им щедрое жалованье. На призыв Ивана Грозного откликнулось более 2000 бойцов, ушедших вскоре на соединение с полком походного атамана Черкашенина.

1563 г. Турецкий султан Сулейман, обеспокоенный усилением России, и завоеванием ею Казанского и Астраханского ханств, решил их возродить. Подстрекаемый астраханским князем Ярлыгашем и бежавшими мурзами, он собирался отправить свою армию в далёкий поход. Для того чтобы турецкий флот имел доступ через Дон в Волгу, Сулейман решил прорыть судоходный канал между этими реками, и построить крепость для его защиты. Ещё одну крепость планировалось построить у современного Волгограда, а третью у Каспийского моря. Эти турецкие твердыни, по замыслу султана, должны были способствовать взятию Казани и Астрахани и ослабить Россию на юге. Крымскому хану Давлет Гирею было велено идти степью к Астрахани, куда Сулейман обещал Доном прислать янычар, пушки и строителей, для возведения крепостей. Однако хан, опасавшийся в то время турок больше чем казаков, известил об этом русского царя, прекрасно понимая невыполнимость планов Сулеймана, ибо донские казаки, рано или поздно, могли прервать сообщение между Доном и Волгой.

Тем временем, походный атаман Черкашенин, поучив с Дона подкрепления, в составе русских войск вторгся в Литву, где участвовал в осаде и взятии богатого Полоцка, доблестно гремя врагов России, и захватив добычу. На Дону же, вначале шестидесятых годов, казаки не проводили крупных операций против Азова, Крыма и нагаев, совершая лишь мелкие набеги на своих беспокойных соседей, и отражая их вторжения.

Князь же Курбский, не смотря на взятие им Полоцка, попадает в опалу. Связанно это было скорее всего с тем, что Иван Грозный заподозрил князя в измене. Так в 1563 году он оказывается всего лишь вторым воеводой сторожевого полка. Затем его еще понижают, сделав городовым воеводой в Юрьеве. В этом городе закончил жизнь Алексей Адашев. Мрачное совпадение.

Другой известнейший сподвижник царя Ивана Васильевича, князь Дмитрий Вишневецкий, в 1563 г., близко сойдясь в Кракове с паном Ольбрехтом Ласским, посадившим с помощью заподноевропейских наёмников, в 1562 г. на Валахский престол Якова Василица, был соблазнен им идеей, самому стать господарем Валахии. Тем более, мог это сделать не только по праву силы, но и по праву крови. Так как мачеха Вишневецкого происходила из господарского рода Деспотов.

Будучи на Петраковском сейме, Вишневецкий и Ласской, договорились о совместных действиях против боярина Томши (Стефана 9), и начали вербовать наёмные войска: «... и зобрал зараз люду пан Ласской 6000, а князь Вишневецкий так же 6000 и тягнули до Волох; и мелися зайти тые войска обе спалечно (вместе). Однако, не смотря на договорённость, Вишневецкий выступил первый, надеясь на свою удачу. Сторонники боярина Томши, решили использовать тщеславие князя. Они отправили ему письмо, в котором предлагали, не дожидаясь пана Ласского, идти в Сучаву и занять по их приглашению Валахский трон.

Князь попался на эту уловку. Выслав вперёд главные силы, он, с небольшим отрядом, двинулся вслед за ними. Сторонники боярина Томши, устроили у одного из мостов засаду. Внезапно напав, они перебили княжескую охрану и взяли Вишневецкого в плен.

Узнав об этом, турецкий султан потребовал от господаря выдать заклятого врага Турции и Крыма. И вскоре волошский господарь выдал гетмана султану. Князь мог бы избежать казни, прими он мусульманство, но он предпочёл мучительную смерть позору и бесчестью.

23 октября 1563 г. князь Вишневецкий, вместе с его представителем паном Пясоцким, был повешен за ребро на мясницком крюке, и сброшен вниз с крепостной башни в порту Галата. В таком положении он провисел три дня, истекая кровью и не переставая при этом проклиная султана, его семейство, всех турок и мусульманскую веру. Взбешённые турки, не став

дождаться пока князь умрёт в муках, расстреляли его из луков. Так героически умер один из самых известных казачьих предводителей.

Царь Иван 4, не смотря на уход князя Вишневецкого в Польшу, сохранил к нему тёплые чувства. И после его жестокой казни в Стамбуле, велел вечно поминать Дмитрия Вишневецкого в Новопечёрском Свято-Успенском Свенском монастыре, являвшимся подворьем Киево-Печерской Лавры. В результате, князь Дмитрий был поминаем, как при Рюриковичах, так и при династии Романовых. Так как главный храм монастыря – Успение Святой Богородицы, был посвящён памяти первой жены Ивана 4, Анастасии Романовны, происходящей из рода Романовых.

1564 г. Не смотря на прошлогоднюю опалу, Курбский, в этом году был вновь отправлен на войну с Польшей и Литвой. После нескольких успешных стычек с войсками Сигизмунда осенью 1564 года князь Курбский потерпел серьезное поражение под Невелем. Подробности сражения известны в основном по литовским источникам. Русские вроде бы имели подавляющее численное превосходство: 40 000 против 1500 человек. Иван 4 обвинял же Курбского в том, что он не устоял с 15 000 против 4000 неприятелей. И эти цифры, кажется более достоверными, так как царь не упустил бы случай попрекнуть неудачливого воеводу большей разницей в силах.. Узнав о силах неприятеля, литовцы ночью развели множество огней, чтобы скрыть свою малочисленность.

Наутро они построились, прикрыв фланги речушками и ручьями, и стали ждать нападения. Вскоре показались московиты – «их было так много, что наши не могли окинуть их взором». Курбский вроде бы подивился смелости литовцев и пообещал одними нагайками загнать их в Москву, в плен. Сражение продолжалось до самого вечера. Литовцы устояли, перебив 7000 русских. Курбский был ранен, потерял часть артиллерии и поостерегся возобновлять бой; на следующий день он отступил.

Вскоре после этого Курбский тайно бежал в Литву, бросив жену и детей. Позднее князь писал, что спешка вынудила его бросить семью, оставить в Юрьеве все имущество, даже доспехи и книги, которыми он весьма дорожил: «всего лишен бых, и от земли Божия тобою (Иваном) туне отогнан бых». Однако гонимый страдалец лжет. Сегодня мы знаем, что его сопровождали двенадцать всадников, на три выючные лошади была погружена дюжина сумок с добром и мешок золота, в котором лежало 300 злотых, 30 дукатов, 500 немецких таллеров и 44 московских рубля – огромная сумма по тем временам. Для слуг и золота лошади нашлись, для жены и ребенка – нет. Курбский брал с собой только то, что могло ему понадобиться; семья для него была не более чем ненужной обузой. Зная это, оценим по достоинству патетическую сцену прощания!

Иван оценил поступок князя по-своему, кратко и выразительно: «Собацким изменным обычаем преступил крестное целование и ко врагам христианства соединился еси». Курбский категорически отрицал наличие в своих действиях измены: по его словам, он не бежал, а отъехал, то есть просто реализовал свое святое боярское право на выбор господина. Царь, пишет он, «затворил еси царство Русское, сиречь свободное естество человеческое, яко во адовой твердыне; и кто бы из земли твоей поехал... до чужих земель... ты называешь того изменником; а если изымают на пределе, и ты казнишь различными смертями».

Позже Курбский сам разоблачил себя. Десятилетие спустя, отстаивая свои права на пожалованные ему в Литве имения, князь показывал королевскому суду два «закрытых листа» (секретные грамоты): один от литовского гетмана Радзивилла, другой от короля Сигизмунда. В этих письмах, или охранных грамотах, король и гетман приглашали Курбского оставить царскую службу и выехать в Литву. У Курбского имелись и другие письма Радзивилла и Сигизмунда, с обещанием выдать ему приличное содержание и не оставить королевской милостью. Итак, Курбский торговался и требовал гарантий!

Предательство своего ближайшего сподвижника, входившего в «Царскую раду», ожесточило царя, обрушившего репрессии на своё окружение, даже при малейшем подозрении. Это вызвало бегство многих служилых людей на Дон и в другие уkraine. Но при всём этом, «жестокый» царь не стал преследовать семью изменника Курбского.

Тем временем, Иван Грозный, ведя ещё пока успешную войну с Польшей и Литвой, хотел мира на своих южных рубежах и предлагал его Давлет Гирею, через своего посла Афанасия Нагого, обещая ему всяческие выгоды. Но хан колебался, не зная на что решиться, потом, всё же обещал послу дать шерть о мире и союзе. И здесь вмешались послы короля Сигизмунда, 30000 золотых, данные поляками решили исход дела. Подписав грамоту о союзе с Россией, он тут же вероломно вторгся в Рязанскую землю, рассчитывая на безнаказанный грабёж. Однако донские казаки, узнав о выходе из Крыма 60000 татарской конницы, не медля донесли о том в Москву.

Но к тому времени царь получил известие от Афанасия Нагого о подписании ханом мирного договора, распустил полки на своих южных уkraine, оставив их без защиты: «Так что в Рязани, осаждённой Давлет Гиреем, не было ни одного воина, кроме жителей. Положение спасли боярин Алексей Басманов и его сын Фёдор, бывшие в своём поместье под Рязанью. Вооружив своих людей, они разбили несколько татарских отрядов и прорвались в город, где сели в осаду, возглавив её оборону. Рязанские жители мужественно отразили все приступы крымцов, трупы их лежали грудями под стенами Рязани. Оборона города позволила Ивану Грозному собрать ополчение и двинуть его к Рязани.

Давлет Гирей, узнав о подходе к Оке воевод Фёдорова и Яковлева, и о подходе из Михайлова и Демидова других русских дружин, бросился бежать, боясь окружения, не дожидаясь своих отрядов, которые жгли селения по берегам Оки и Вожи. Воеводы не стали преследовать бегущего хана, занявшись истреблением многочисленных отрядов татар. Вскоре они настигли ширинского князя Мамай. В коротком, но кровавом сражении русские ратники истребили 3000 крымцов, захватив самого князя и ещё 500 татар в плен. Однако беды татар на этом не окончились. Донские казаки, не решаясь нападать на крупные татарские чамбулы, истребили множество мелких отрядов, освободив многих русских пленников.

1565 г. Война в Польше и Литве приносила русским войскам всё новые победы, но требовала всё новых войск и ресурсов. России нужен был мир на юге, и царь вновь предложил заключить мир крымскому хану. Но ближайшие его мурзы и князья, беглые казанские вельможи, князья Спат и Ямгурчей- Ази, улан Ахмамед, убеждали хана, что Иван непременно обманет его. Ибо говоря о мире «велит казакам строить город на Дону, готовит суда на Днепре, имея намерение взять Азов и открыть путь в Тавриду». Недоброжелатели России говорили, что Иван смелей и удачливей всех прежних государей, сумел завоевать Казань, Астрахань, Ливонию, Полоцк, овладел землёй черкесской, подчинил себе нагаев и утвердился на Тереке. И если он, Давлет Гирей, выдаст Ивану короля Сигизмунда, то русский через год покорит Польшу, и, обратившись против Крыма: «истребит последний юрт Батыев».

И Давлет Гирей, подстрекаемый своим окружением, потребовал в обмен на мир возвращения Казани и Астрахани. А это было неприемлемо. Царь, помня урок прошлого года, сосредоточил на Оке полки Бельского и Мстиславского. Донские казаки в свою очередь выслали десятки своих разъездов в степь. В сентябре они отметили появление больших отрядов крымских татар и нагаев, в след за которыми двинулись основные силы орды, усиленные янычарами и пушками.

Вскоре крымский хан Давлет Гирей с многочисленным войском начал переправу через Донец. Донские казаки вовремя обнаружили неприятеля, вывели его намерения, направление движения и уведомили в пограничные города, что хан везет на телегах тяжелые пушки. Переправившись через Сев. Донец хан стремительно двинулся к Болхову. Казаки, пропустив

без боя татар, устремились по их пятам, истребляя небольшие отряды и отставших всадников. 7 октября Давлет Гирей подошёл к Болхову, где был встречен полками воевод Ивана Зотова и Василия Кашина, а так же казаками. Русские дружины выступили из города и стремительно атаковали не ожидавших такой дерзости татар. Многих из них они изрубили и взяли в плен, не дав даже сжечь Болховский посад. Наступившая ночь прервала сражение. Хан, извещённый о приближении полков князей Бельского и Мстиславского, 19 октября ушёл в Крым, довольствуясь небольшим полонем и разорением окрестных сёл и деревень. Донские казаки вновь шли по пятам за Ордой, ища случая отбить русский полон и скот.

1566 г. После смерти султана Сулеймана, на его престол взойшёл его сын, Селим. Видя неудачи мусульманских правителей, гибель Астраханского и Казанского ханств, измену части отложившихся нагаев, и желая отметить своё воцарение победоносной войной, и кровью неверных, Селим решил исполнить замысел своего отца, Сулеймана Великого: восстановить мусульманские государства на Волге. К этому его деятельно призывали некоторые нагайские князья, хивинские и бухарские владетели и купцы. Они утверждали, что царь московский истребляет веру мусульманскую и прерывает им сообщение с Меккой. Говорили, что Астрахань есть главная пристань Каспийского моря, наполненная кораблями всех народов азиатских, и царская казна получает там ежегодно до 1000 золотых одних таможенных сборов. Послы Речи Посполитой так же подстрекали султана к войне с Москвой, желая тем самым ослабить и тех и других. Один Давлет Гирей, зная силу России и донских казаков, противился этому безумному предприятию. Он доказывал, что Астрахань нельзя взять ни зимой, ни летом, из-за непереносимых для турок морозов, жары, безводья и дальности расстояний. Но Селим был в плену своей безумной идеи. Подготовка к грандиозному походу затянулась до 1569 года.

1567 г. Донские и яицкие казаки, находившиеся в русских войсках, пришедших на помощь черкесским князьям по указу Ивана Грозного, строят по приказу воевод Бабычева и Протасьева, укреплённый городок Терки. Черкесские князья отнеслись к строительству благосклонно. С этого времени начинается история Терского казачьего войска. Переселенцы быстро нашли общий язык с местными жителями, стали перенимать их обычаи, носить их оружие и одежду. В казаки охотно шли молодые горцы, пополняя их ряды.

По указу Ивана Грозного донские казаки Иван Петров и Бурнаш Ялычев «со товарищи» отправились на разведку сибирских земель за Уралом. Казаки совершили невероятную для своего времени экспедицию, через всю Сибирь на Дальний Восток; посетили Монголию, Тибет, Китай, Корею. Вернувшись на родину, они подробно описали в своём «Сказе о хождении в далёкую Сибирь».

1568 г. В апреле 1568 года русский посол в Крымском ханстве Афанасий Нагой – незаурядный дипломат, имевший серьёзную разведывательную сеть на полуострове, сообщил в Москву, что 3 апреля крымский хан получил султанскую грамоту, присланную с чаушем Мегметом, с приказанием хану и царевичам идти в поход на Астрахань. Вместе с крымским ханом в поход должен был идти кафинский паша Касым с янычарами и артиллерией. Астраханским ханом был назначен Крым Гирей. Для успешного завершения этого предприятия, Турция прекратила войну с Польшей, Австрией и Ираном. Большой совет – диван – Крымского ханства отложил поход. Давлет Гирей написал султану, что вторжение неподготовлено и запоздало – нет запасов, а турки не перенесут морозов. Началась подготовка к завоеванию Астраханского ханства. 10 июля русские послы Нагой и Писемский под усиленной охраной были переведены в Мангупскую крепость – «для бережения великого». 20 июля 1568 года в Кафу пришли из Стамбула три корабля во главе с пашой Касымом, доставившие турецких судо-

вых мастеров, которые должны были речные суда для астраханского похода, саперов, а также 50 пушек и порох.

В августе на совместном турецко-татарском совете был разработан план вторжения в Астрахань. Осаду города, доносил А. Нагой, должны были вести турки паши Касыма под охраной татар: «а татарове де не городоемцы и города ставить не умеют. Я (Давлет Гирей – авт.) сижу на коне и тебя берегу. А придут на тебя люди и яз с ними быюсь и тебя обороняю». Впрочем сам Давлет Гирей не хотел участвовать в походе, боясь усиления турецкого влияния в Северном Причерноморье, и сразу же после совещания отправил в Москву посла Икинчея предупредить Ивана Грозного о готовящемся вторжении весной 1569 года.

Одновременно хан потребовал назначить астраханским ханом касимовского царевича – и тогда похода не будет. 21 октября к Афанасию Нагому прибыл татарский князь Сулешев, сообщив ему, что крымский хан идет на Астрахань только по приказу султана, он не хочет, чтобы турецкие войска проходя по крымско-татарским землям, разоряли их. Давлет Гирей также боялся, что во время его отсутствия султан назначит нового хана. Однако в русских архивах также сохранились свидетельства русского посла Новосильцева, в конце 1569 года побывавшего в Стамбуле, в которых он сообщал, что именно крымский хан настаивал перед турецким султаном и великим визирем на осуществлении астраханского похода.

Российское правительство, подробно осведомлённое о готовящемся предприятии, предложило Турции через крымского хана мирные переговоры. Иван Грозный писал в грамоте к Давлет Гирею: «Салтану следовало рать зачинати, коли б от нас ему какая недружба дошла. Салтану турецкому пригоже с нами обослатись и на нас проведати, какая ему недружба от нас дошла. И коли еалтанов у нас посланник будет и мы с ним о всем переговорим. И те речи все ведоме будут за что промежи нами нынеча недружба чинитца. И мы толпы поговоря с салтаном с турецким и с тобою братом нашим в дружбе будем, как будей пригоже.»

Одновременно с этим, для предупреждения выступления Больших ногаев на стороне турок весной 1568 года к ним был послан посол Семен Мальцов. К естественному союзнику Ирану в мае 1569 года было отправлено посольство с предложением союза против Турции. В Иран послали 300 (?) орудий, 4 (?) тысячи ружей и 500 стрельцов для обучения персов «огненному бою». В ожидании нападения на Астрахань были отложены походы в Литву и Лифляндию. Астраханская крепость укреплялась, увеличился ее гарнизон.

На Дон так же стали приходить известия о подготовке турками большого похода на Астрахань. И о доставке турецким флотом в Азов запасы продовольствия, оружия и боеприпасов к нему. О том, что, начали прибывать первые отряды экспедиционного турецкого корпуса. Казаки сообщили о начавшихся приготовлениях в Москву и сами стали готовиться к вражескому нашествию. Несколько небольших казачьих отрядов продолжали участвовать в Ливонской войне, принявшей затяжной характер. Противники, перестали вести крупномасштабные операции, действуя небольшими отрядами.

1569 г. В марте 1569 года в Кафу начали приходить турецкие корабли с янычарами. Начало вторжения было назначено на 26 апреля. Однако начало похода было отложено – турецкий султан изменил план войны, который теперь предусматривал одновременное двустороннее наступление на Россию – через Азов на Астрахань и юго-восточные земли, и через Польшу – на западные российские территории. К польскому королю Сигизмунду был отправлен турецкий посол Ибрагим Страта с просьбой султана, пропустить через польские земли турецкие войска, для нападения на Россию. Сигизмунд, опасаясь, что турки не просто пройдут по его территории, но и утвердятся на ней, отказал. И султану ни чего не оставалось, как приказать своим войскам из Кафы и Азова идти на Астрахань. 31 мая 1569 года турки двинулись из Кафы на 220 судах и 400 телегах. Часть янычар во главе с Касымом, вместе с крымскими татарами пошли сухопутным путем. Турецкий султан, уверенный в победе своего пятнадцатитысячного

янычарского корпуса над русскими войсками, разрешил своим воинам, участвующим в походе, брать деньги в долг за счет продажи пленных, которых намеревались набрать в Астрахани.

В состав объединённой армии входило от 25 до 50 тысяч конницы Давлет Гирея и от 17 до 30 тысяч янычар и спагов под командой кафинского паши Касыма и паши Пелеги. Пушки, порох, ядра, продовольствие и землечерпальные орудия турки везли Доном, под охраной янычар. По плану компании, турки должны были достичь Переволоки, между Доном и Волгой и прорыть в этом месте канал, соединив таким образом две великие реки, для прямого сообщения с Астраханью.

Казаки, узнав о входе в Дон огромного турецкого флота, выступлении в поход крымского хана Давлет Гирея с конницей, а так же янычар и спагов паши Касыма, почувствовали себя между молотом и наковальней. Евграф Савельев в своей «Истории Казачества» говорил: «При движении этой силы по Дону пронёсся слух, что турки идут для конечного истребления казаков. Донцы, уstraшенные этой вестью, оставив свои городки, скрылись в степи». Но так ли это было в действительности? Справедливы ли упреки Российских историков в трусости и слабости казачества, не посмеявшегося погромить слабо охраняемый турецкий флот? По словам русских пленников, находившихся на турецких галерах, турки час от часу ждали нападения казаков, так как глубокая посадка судов заставляла то и дело их разгружать и тащить пушки берегом «с трудом неописанным», но последние так и не появились.

Вот как описывает эти события бывший в плену у турок русский посол к нагайскому наследнику Семён Мальцов: «А шли Доном турки с великим страхом, живот свой отчаяли. И где, государь, были мели и они пушки на берег возили, да суды волочили. И которые были на каторгах янычары христиане греки и волошане и они тайные дела мне сказывали. А тому дивились, что государских людей на Дону и казаков не было. Только б деи такими тесными реками турки ходили по фряской и по можарской земле, и они б всех побили. Хотя б деи было казаков две тысячи и они б нас руками поймали, такие на Дону крепости. А казаки ваши Дон покинули. Такое им богатство где еще видети? Только бы на наши каторги на Дону казаки пришли, а у нас у христьян у многих мысль – хотим ко государю вашему».

Верно ли это? И что же произошло в действительности, ведь ни до того, ни после, ни кто, и ни когда, не смел, обвинить казаков в трусости. Ответы на эти вопросы нужно искать во внимательном изучении русской истории этого времени, и обстановки сложившейся на Дону. Война с Ливонией и Польшей была в самом разгаре и часть донских казаков, от 1000 до 3000, находилась на западном театре военных действий. Другая их часть сторожила татар на Миусе, и нагаев у Волги. Оставшиеся в городках казаки не знали истинных намерений турок и татар. Они не без оснований полагали, что те хотят не только захватить Астрахань, но и истребить их городки, расположенные на реке. Для их защиты, от крупных сил неприятеля, оставшихся казаков не хватало.

По обычаю, донцы в таком случае съезжались по 3 – 4 городка в одно «крепкое» место, где общими усилиями отражали врагов. Но в данном случае, все их городки по Дону становились лёгкой добычей турецкого флота. Казаки перенесли свои городки в «крепкие» места на мелководных притоках Дона. На это нужны были время и силы, а их то, как раз было мало. Ведь часть оставшихся на Дону казаков вела наблюдение за турецким флотом и войсками паши Касыма и Давлет Гирея. Кроме того хан, для отвлечения неприятеля, бросил часть своей конницы на Сев. Донец, где в районе современной станицы Митякинской располагались городки атамана Ивана Мотяки. По всей видимости, ещё одна часть казаков была отправлена им на помощь, но она запоздала, так как бывшие в городках казаки не сумели их отстоять, и были «сбиты с куреней».

Это подтверждается послом Новосильцевым, отправленным в 1570 г. Иваном Грозным в Турцию. Из него мы узнаём: «Касим – бег ходил войной вместе с крымцами и турками на Астрахань и побил на Донце на Северском казачья атамана, Иваном зовут Мотякин, а с ним было

казаков сорок». Это сообщение подтверждается другим источником: «...И как... крымской (хан) пошел к Азторохани, и побил на Донце на Северском, казачья атамана, Иваном зовут Мотякин, ... и прислал к турецкому... гонца, что он взял казачий город, атаманов и казаков убил, ... и турецкой... тому стал быть весел». Самое замечательное в этом сообщении, то, что крымский хан описывает разгром небольшого казачьего городка и гибель 40 донцов, как значительную победу, достойную внимания турецкого султана.

Немногие оставшиеся казаки охраняли свои семьи, укрывавшиеся в глухих малодоступных местах, или ушли на соединение с русскими войсками. Дон фактически опустел. Это и позволило турецкому флоту беспрепятственно дойти до Переволоки. В районе станицы Качалинской произошло соединение турок шедших рекой, с конницей Давлет Гирея, спагами и янычарами Касым паши. 15 августа, по словам Карамзина «началась работа жалкая и смешная». «Турки не хотели слушаться и говорили, что паша безумствует, принимая такое дело, для коего мало 100 лет, для всех работников Оттоманской империи».

Ситуацию осложнила ссора между пашой Касымом и Крымским ханом, со страхом ждавшего появления русских войск и казаков. Однако турецкий командующий упорствовал и отказывал возвращаться в Азов без успеха, боясь гнева султана. Он велел волочить тяжёлые галеры к Волге. Удушающая жара и безводье, до крайности изнурили турок, готовых в любой момент взбунтоваться. Положение спасло появление в стане османов астраханских послов: «На что вам суда – сказали они: мы дадим их вам сколько хотите; идите только избавить нас от власти россиян».

Источники говорят о нападении на турок и татар на Переволоке отряда князя Серебряного, сильно потрепавшего янычар. Среди них возникли волнения, впрочем, быстро подавленные. Турецкий флот, во главе с Капудан-пашой по Дону вернулись в Азов, забрав с собой все тяжелое снаряжение, «наряд», запасы и казну. Согласно русским источникам, при отходе турецкого флота, за ним гнались донские казаки в малых стругах, вмещающих по 10 десять человек, которые несколько раз вступали в бой с арьберггардом турок.

Ободрённый паша, казнив несколько смутьянов, усмирил войско и взяв с собой 12 лёгких пушек, 2 сентября двинулся к Астрахани. Тяжёлые осадные орудия должны были быть отправлены на галерах назад, в Азов. Часть войск осталась для охраны рабочих, рывших канал.

Посол Ватикана в России, иезуит Антонио Поссевино в своем сочинении «Московия», изданном в Вильне в 1586 году, писал, что крымские татары «были недовольны тем, что турки, как они полагали, готовят им более тяжкое ярмо. Поэтому, предложив себя в проводники турецкому войску, они повели его окружной дорогой по бесконечным лесам и местам, лишенным продовольствия, так что оно почти все погибло от голода и трудностей пути». Это конечно преувеличение, но факт того, что татары, сознательно изнуляли турок, остаётся фактом.

Через две недели турки и татары достигли Астрахани, основав свой стан на правом берегу Волги, на руинах древнего хазарского города Атель или Итиль, так как россияне и казаки уже подавили, вспыхнувшее было в городе восстание. Они утвердились на его стенах, сев в осаду. Видя это, паша Касым велел строить земляную крепость, так и не решившись начать штурм города, готового к обороне. Лёгкие пушки османов не могли нанести его стенам существенного ущерба. «Турки, к изумлению своему, узнали, что паша намерен зимовать под Астраханью, где горсть бодрых россиян обуздали измену жителей и казалась ему страшною»; «Нам зимовать немочно, мы помрем с голоду! Государь наш всякой запас нам дал на три года, а ты нам из Азова велел взять на 40 дней корму! А Астраханским людям нас прокормити немочно, то ты ведаешь!»

Это безрассудное решение обрекало османов и крымцев на верное поражение. Вот уж поистине: «Если Бог кого хочет наказать, то лишает его разума». Касым, изнурая свои войска строительными работами, давал русскому государю перебросить под Астрахань полки воеводы князя Серебряного. В то же время, донские казаки, отбившись на Сев. Донце от татар,

и собрав все силы, двинулись к Переволоке, соединившись на полпути с запорожскими казаками. Те шли по татарским сакмам, ведомые гетманом, князем Михаилом Вишневецким, братом казнённого турками Дмитрия Вишневецкого. Не столь давним врагом россиян в войне с Польшей и Литвой. Объединённое казачье войско вскоре соединилось с полками князя Серебрянного и разгромили оставшихся на Переволоке турок, полностью их истребив. Отсюда русские полки и казаки двинулись на судах и степью к Астрахани.

Другая партия донцов, узнав о возвращении турецкого флота в Азов, устремилась на его перехват и в жаркой схватке взяли на абордаж галеры османов. После этого славного дела казаки спустились к Азову, То и дело, тревожа набегами его окрестности. В один из таких дней, казакам удалось тайно пробраться в город, взорвать пороховые погреба и поджечь дома. В огне опустошительного пожара, большая часть города сгорела до тла. Кроме того сгорела азовская пристань с торговыми и военными кораблями турок. Об удачной вылазке донцов стало известно 20 сентября 1569 г. русским послам, находившимся в Крыму, от мангупского Ага Магмута: «Язь дей приехал из Кафы, и пришла дей в Кафу весть: зажгли дей в Азове в ночи зелье, и от того дей города стену вырвало, а дворы де в городе и люди многие погорели, и наряд, и запас, и суды погорели, а говорят дей, что зажгли ваши русские люди». По другим данным, взрыв порохового погреба Азова, разрушивший город, произошёл 30 сентября.

Меж тем, на далёкой Волге, начал разворачиваться заключительный акт трагедии. Князь Серебрянный, донцы, черкасы достигли Астрахани. В коротком сражении они опрокинули вышедших им на встречу турок и татар и загнали их в земляную крепость, где те сели в осаду. Разъезды казаков окружили её, не давая противнику сообщаться с нагаями, искавшими спасения в степи. Из осаждавших, они превратились в осаждённых. Вскоре съестные припасы и фураж истощились, и в мусульманском лагере воцарился голод. Высылаемые за продовольствием отряды, безжалостно истреблялись казаками.

В довершение ко всему, крымский хан, Давлет Герей, подстрекаемый своими татарами и ненавидящий пашу Касыма, объявил о своём уходе в Крым на зиму. Так как кони от бескормицы, тощали и вскоре могли пасть, что было смерти подобно для крымцов. Вновь зароптали страшные в своём буйстве янычары, решительно заявившие паше, что одни не останутся зимовать в этом диком краю. Видя неизбежность открытого бунта спагов и янычар, паша велел поджечь деревянные укрепления и обратился в бегство.

Английские купцы Томас Бэнистери Джефри Декет, ехавшие в Персию через Россию, и бывшие в то время в Астрахани, так описывали эти события: « В Астрахань они приехали 20 августа. В городе Астрахани их путешествие несколько задержалось; они пробыли там 6 недель вследствие того, что к Астрахани, по внушению великого Турка, подступило большое войско, состоявшее из 70000 турок и татар, в надежде захватить город внезапным нападением, или взять его продолжительной осадой. Однако, в конце концов, с приближением зимы, а также вследствие известий, что русский царь снаряжает большую экспедицию для защиты Астрахани, они должны были снять осаду и уйти ни с чем».

Казаки безжалостно преследовали бегущих, истребляя их десятками и сотнями в день. Трагедию турок усугубил Давлет Гирей, ведший османов за собой. Затаив злую память на надменного Касыма, он «умышленно вёл турков местами безводными, голодную пустынею, где кони и люди умирали от изнурения; где черкесы стерегли их в засадах и томных, полумёртвых брали в плен». В шестидесяти верстах от Астрахани, на Белом озере, беглецам встретились гонцы: турецкий, чауш Ахмед паша, и польский. Селим, требовал от паши, чтобы тот держался в Астрахани до весны, когда в помощь ему подойдет свежие войска из Стамбула.

Но ни кто и ни что уже не могло остановить бегства: «Турки были в отчаянии и проклинали пашу, не щадили и султана, который посылал их в землю неизвестную, в ужасную Россию, не за победою, а за голодом и смертью бесчестною». (Карамзин). Холода, дожди, голод, казаки и черкесы истребили грозную турецкую армию. Через месяц, в сгоревший Азов, всту-

пила немногочисленная толпа истощённых людей, более похожих на тени, во главе с пашой. Уцелевшие после этого похода турки говорили: «Если бы против нас русские выступили, то ни одному назад не возвратиться, все пропали бы» – после этого похода янычары стали называть султана Селима II «несчастливым».

Прибывших в разрушенный Азов турок, султан приказал отправить кораблями в Стамбул. Но большая часть их утонула во время шторма при перевозке через Чёрное море. В турецкую столицу вернулось около тысячи человек. Крымские войска, привычные к подобным походам, понесли несравненно меньшие потери.

Спасая свою шею от петли, Касым, во всём обвинил Давлет Гирея, и ко двору султана, в Стамбул, послал большое количество золота, покупая им себе милость у Селима. Крымский же хан, убеждал султана в невозможности взять и удержать за собой столь удалённый городок Астрахань. Боясь ответных мер со стороны Ивана Грозного, Давлет Гирей внушал русскому послу: «Государь должен благодарить меня: я погубил султанское войско; не хотел приступить к Астрахани, ни строить там крепости на старом городище, во первых, не желаю угодить ему, во вторых, и для того, что не хочу «видеть турков властелинами древних улусов татарских».

Большую помощь русским войскам и казакам, по разложению турецкой армии и введении её военачальников, оказали российские пленники. В частности, находящиеся у турок в гребца и землекопа, дворянин Семён Мальцев. Он, «прикованный к пушке, терзаемый чувством боли, жажды и голода, ежечасно угрожаемый смертью, не переставал ревностно служить царю своему; страшил турков рассказами: уверял, что астраханцы и нагаи манят их в степи; что шах персидский есть союзник России; что мы послали к нему 100 пушек и 500 пищалей для нападения на Касыма; что князь Серебряный плывёт с 30000 войска к Астрахани, а князь Иван Бельский идёт полем несметной силой».

Не смотря на полный разгром турок и крымцов под Астраханью, война 1569 года с Турцией никак не входила в планы Ивана IV. В это время он целиком был поглощен своими западными делами, в частности ливонским вопросом. После первой же удаче в Астрахани Иван IV решил прекратить эту войну. Вот почему ни о каком преследовании турок и нападении на Азов и, тем более, на Кафу, русские в то время не мечтали. Наоборот, еще в 1569 году Россия явно искала случая примириться с Турцией, спешила напомнить ей об извечной дружбе, которая не должна нарушаться из-за далёких, и чуждых Турции Казани и Астрахани.

Часть запорожских казаков, недовольных разделом добычи, произведённой гетманом Вишневецким, осталась на Дону, раскинув свои станы в «Юртах Черкасских», где был городок Черкасск и Донской, на Монастырском яру, в 5 верстах от будущей столицы Войска Донского. В последствии, донские и запорожские общины слились, «сделав город сей (Черкасск) главный всему Войску Донскому, от них и приходящих одноземцев к ним, знатно умножившемуся». Запорожские казаки, поселившиеся в Черкасском городке, ранее известном как Донской, довольно долгое время жили без жён, из-за слишком малого числа женщин на Дону. Отсюда и пошла легенда о том, что первые казаки вообще не имели жён и детей

В 1569 г., в российской истории упоминается Аксайский городок, наряду с Черкасским, Донским и Митякинским, точнее Мотякинским. Аксайский городок был основан в низовьях Дона, недалеко от Азова. Рядом с ним происходил обмен посольствами между Россией и Турцией. Городок часто переименовывался и в различные годы назывался: Нижние Раздоры, городок Кобяковской казны, Атаманский, Нижний, Бодок, Стидное имя.

Впоследствии, Семён Мальцев, бывший гребцом на одной из турецких каторг, по возвращении в Азов, вместе с турками, уговорил перейти в будущем «на государское имя» «Магмета-еныченина (янычара) и Микулу-грека (сказывающего митрополита сын Трепизонского)», которые «тайны дела многие... сказывали». Магмет затем поехал в Стамбул, где должен был собрать разведывательную информацию, а Микула намеревался зимовать в Кафе, а на весну

быть в Азове, и предполагалось, что оба из этого города свяжутся с донскими казаками атамана Савостьяна Попа. Таким образом, они становились информаторами казаков. Таких агентов в Войске называли «прикормленными людьми», и не жалели денег на оплату их услуг.

1570 г. Из русских летописей и документов, нам становятся городки Манычский и Нижние Раздоры. По всей видимости, они были основаны гораздо раньше. До 1622 г. Раздоры, являлись «столицей» Войска Донского. В 1644 г. центр Войска был перенесён в Черкасск.

3 января 1570 г. для установления дипломатических отношений с Турцией и поздравления султана Селима с восшествием на престол, а так же заключения мирного договора, в Стамбул был отправлен посол, дворянин Новосильцев. Ему было велено ехать в Азов из Рыльска, в сопровождении казаков атамана Михайлы Черкашенина. В месте с послом, царь отправил казакам жалованную грамоту: «На Донец Северский атаманам казацким и казакам всем без отмены». В ней русский самодержец велел донским атаманам встретить и проводить его посла, направляющегося в Турцию, до донских зимовищ у Аксайского устья: «И проводить посла из Рыльска велели к Азову Мише Черкашенину. А как Бог даст, близко будет к ближним зимовщикам атаманским... те бы вы нам послужили, а мы вас за вашу службу пожаловать хотим».

Прибыв на Дон, Новосильцев отправил царю отписку: «Мишкина (Черкашенина) прибора казак поместный Сила Нозрунов на твою государеву службу не пошёл, воротился из Рыльска в свою вотчину Рыльскую... шли мы до Дона на ргах пешком, а твою государеву казну и свой запасишка везли на салазках сами. Как пришли мы на Донец 1 апреля, я велел делать суда на которых нам идти водяным путём к Азову, а за этими судами жили мы на Донце неделю, а у Мишки Черкашенина, у атаманов и казаков не у всех были суда готовые старые на Донце, и они делали себе каюки».

Как видим и здесь выстраивается своеобразная иерархия: Черкашенин – атаманы – казаки. Отметим тот факт, что Новосильцев был человеком, где иерархию учили почитать. Среди донцов московский дипломат весьма определенно поставил на первое место Михаила Черкашенина. Говоря, что не просто у «атаманов были суда», а у «Мишки Черкашенина, у атаманов...». Эти факты позволяют нам говорить о том, что, Черкашенин был не просто казачьим атаманом, Войска Донского, как структуры объединившей отдельные казаки городки и отряды. Таким образом, 1570 г. считается официальным годом основания Войска Донского, так как в этом году оно впервые встречается в дошедших до нас документах. Хотя Татищев, в своей «Истории», ссылаясь на утраченные ныне документы называл другую дату: 1520 г. В этом году атаманом был избран Михаил Черкашенин, воин, прославленный во множестве боёв и сражений.

Построив струги, московское посольство прибыло в Нижние Раздоры, где его торжественно встретили казаки. Придя в Круг, посол зачитал государеву грамоту, весьма благоклонно принятую донцами. Однако идти в Азов Новосильцев не мог, у казаков с азовцами была война. Для заключения мира и свободного прохода посольства, требовалось время. Только 7 июля, у «Оксайского устья» произошла встреча сопровождаемого донскими казаками русского посольства Новосильцева, с турецким посольством, едущим в Москву.

Прибыв в Стамбул, Новосильцев начал переговоры с великим визирем. После сокрушительного разгрома турок у Переволоки и под Астраханью, Иван Грозный, стремясь избежать продолжения войны с султаном, в своём письме заверял турецкого владыку в своей дружбе и предлагал мир, перечисляя все дружественные сношения России с Турцией со времён султана Баязида. Он удивлялся появлению турецких войск на своей территории. Но турки продолжали настаивать на оставлении Москвой Казани и Астрахани, уничтожении русской крепости в Кабарде и усмирении донских казаков. Кроме того султан обвинял казаков в разграблении мусульманского кладбища в Астрахани, в прошлом году. Мира заключить не удалось,

не смотря на обещание обуздать своеволие казаков и скрыть крепость в Кабарде, в угоду султану Селиму 2. Послы отправились в Москву ни с чем.

На Дону русское посольство ждал неприятный сюрприз: воровские казаки и нагаи решили напасть на посольство и ограбить его. Об этом Новосильцев доносил царю отпиской: «Как пошли мы из Азова, пришла ко мне весть, что за нами из Азова полем казачьи атаманы, Сенка Ложник с товарищами, 80 человек, да с ними же прибираются Казыевы татары, да два атамана крымских, а с ними человек с 300, и хотят нас на Дону или на Украине громить с обеих сторон; а со мной донских атаманов и казаков идёт для бережения немного: иные атаманы и казаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали».

Из этого донесения явствует, что на Дону казачество не однозначно относилось к идее служения московским государям и такая ситуация длилась вплоть до начала 18 века. Часть русских атаманов и казаков, яростных противников царя Ивана, подобно князю Курбскому, отколовшись от основной массы донцов, служила туркам. Причины этого казачьего «раскола» были различны: личная вражда, церковный раскол и преследование староверов правительством и Войском, преступления перед Войском, охриянство – переход из православной веры в мусульманство. Несмотря на все опасности, посольству удалось благополучно добраться до российских пределов.

В 1570 г. гетман Б. Ружинский во главе запорожских казаков совершил поход на турецкие владения в предгорьях Кавказа. Донцы, через землю которых проходили запорожцы, «сделали им походные вспоможения, а паче переправой войск на судах за реку Дон, а после за реку Кубань». Черкасы горские дружелюбно пропустили запорожцев, открывших военные действия только за Кубанью «против народов, туркам подвластных».

1571 г. Притаившийся до времени в Крыму хан Давлет Гирей, оправившись от поражения, подстрекаемый турками и своими мурзами, чьи воины обнищали без добычи, зимой переправился с войском у Азова на нагайскую сторону. Совершив стремительный бросок, он вторгся во владения тестя Ивана Грозного, черкесского князя Темрюка и разбил его дружину, захватив в плен двух его сыновей. Победа вдохновила хана, и он вновь стал грозить Москве, и требовать от неё дани, и восстановления Казанского и Астраханского ханств.

Получая многочисленные известия о преследовании царём своих лучших воевод, хан стал готовиться к новому походу на Русь. Казаки, узнав об этом, сообщили о готовящемся вторжении в Москву и воеводам украинских городов. Однако ни царь, ни воеводы, не оценили угрозу по достоинству. Иван Грозный отправляет 16 февраля князя Михаила Тюфякина во главе служилых людей для примерного определения границ России с Крымским ханством, с последующим расположением вдоль них сторож и крепостей.

Князю М. И. Воротыньскому поручается разработать порядок несения пограничной службы, с указанием, где и когда стоять сторожам, какую местность они будут прикрывать, на какое расстояние высылать разъезды, и какое количество будет людей в них. Этим было положено начало сторожевой линии, прикрывавшей южные рубежи России. Донские казаки так же были привлечены для устройства сторожевой линии, оповещая воевод о татарских набегах.

Князь начал с того, что велел созвать станичных воевод и сторожей (дозорных), «которые ездят... в станицах на поле к разным урочищам и преж сего езживали лет за десять и за пятнадцать». Вызвали и старых, и увечных ратников, имевших, однако, богатый опыт в несении сторожевой службы, – всего около 2000 человек. В феврале 1571 г. все они прибыли в Москву, при их помощи и вырабатывался «приговор», датированный 16 февраля.

Сторожевая служба, согласно ему, начиналась 1 апреля и оканчивалась 1 декабря. Воеводам городов и головам сторожей предписывалось посылать в дозор людей на лучших лоша-

дах и не в одиночку. Первая статья устава обязывала дозорных находиться в таких местах, из которых они могли бы видеть противника, но сами оставаться незамеченными. Как правило, эти разъезды (станции) заезжали по прямой до 500 км в глубь «Дикого поля», осматривали «сакмы» – дороги, по которым обычно двигались полчища степняков. Дозорные, которые совершали постоянные объезды определенных участков от 20 до 40 км по периметру порубежья, назывались сторожами. Они вели непрерывное наблюдение: «А стояти сторожем (дозорным) на сторожах, с конь не сседа, переменяясь направо и налево по 2 человека... (объезд начинался из середины района в обе стороны до встречи с другими разъездами у „памяти“ – приметы: ручей, ключ, дерево на холме). А останов им не делати, а огня класти не в одном месте; коли каша сварити и тогды огни в одном месте не класть дважды; а в коем месте кто полдничал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничати. А в лесах им не ставитца, а ставитца в таких местах, где б было усторожливо» (т.е. не углубляться в чащобу лесных массивов, из которых трудно следить за степью).

Обнаружив противника, от станции или сторожи, обязаны были немедленно мчаться гонцы к станичным и сторожевым головам (группе дозорных в составе 6—10 человек, расположенных в определенных местах, чаще всего на поросших лесом или кустарником холмах). От них срочно отправлялись гонцы в ближайший город-крепость к воеводе. Затем оставшиеся дозорные рассредоточивались и вели разведку, идя параллельно с войском противника или позади него. Собрав новые сведения, они снова отсылали гонцов с уточнениями, причем в те города, по направлению к которым двигались основные силы неприятеля.

Устав предусматривал строгие наказания за нарушение службы: «Тем сторожам, которые, не дождавшись смены, покинут сторожи, быти казнеными смертию».

Приговор заканчивался расписанием порядка смены станиц и сторож. Первые дозоры (по 4—6 человек в каждом) выезжали 1 апреля, спустя 15 дней – следующие и так далее – всего 8 смен. Через четыре месяца – 1 августа все повторялось. Подобный «круговорот» шел до 1 декабря. Но если еще не выпадал снег – сторожевая служба продолжалась.

Весной 1571 г. хан, вооружив всех своих улусников и призвав нагаев, собрав 120 тыс. армию, стремительно двинулся на Россию, не встречая ни где сопротивления. Впереди главного войска татар двигалось множество мелких отрядов на огромном пространстве. У царя и воевод создалось впечатление не вторжения огромной армии, а набега небольших татарских отрядов. И всё это не смотря на многочисленные сообщения донских и городских казаков: «разъезды наши видели в степях пыль необычайную, огни ночью, сакму или следы многочисленной конницы, слышали вдали прыск и ржание табунов... Уже были лёгкие сшибки, в местах рязанских и каширских».

Ещё зимой, узнав о том, что татары появлялись везде и в малом числе, «успокоился – объявив донесения сторожевых атаманов неосновательными – и зимою распустил большую часть войска. Не встревожился царь и весной когда крымская конница, ведомая бежавшими из России дворянами и детьми боярскими, стремительно приближаясь к Москве. Князья Бельский, Мстиславский, Воротынский, бояре Морозов и Шереметьев, с 6000 войска, слишком поздно узнав о случившемся, по обыкновению спешили к Оке. Но Давлет Гирей выйдя им во фланг, и разгромив сторожевой полк, был уже под стенами столицы. Спешно повернув, воеводы, так же без отдыха, бросились на спасение Москвы, но подойдя к ней, вместо того, что бы сразиться с неприятелем, они заняли московское предместье. Давлет Гирей, увидя русских воевод, страшившихся сразиться с ним в поле, велел поджечь московские предместья.

Земское войско, вместо того, чтобы дать бой крымцам в поле или на окраинах города, стало уходить к центру Москвы и, смешавшись с беженцами, утратило порядок; воевода князь Бельский погиб во время пожара, задохнувшись в погребе своего дома. В течение трех часов Москва выгорела дотла. Пожар мешал татарам грабить в предместьях.

Начавшийся грандиозный пожар испепелил русскую столицу, унеся жизни множество её защитников и жителей. О страшном разорении Москвы свидетельствует и папский легат [Поссевино](#), который насчитывал в [1580 году](#) не более 30 тысяч населения, хотя ещё в [1520 году](#) в Москве было 41500 домов и не менее 100 тысяч жителей.

Хан, удовлетворённый картиной разрушений, не торопясь ушёл в Крым, опустошая всё на своём пути. Такого разгрома Россия не знала со времён монгольских ханов. По разным оценкам, от 40 до 150 тыс. пленников было выведено в Крым. Донские казаки не могли одни противостоять такой гигантской армии крымцев, да и не собирались. Дождавшись крымско – нагайской конницы на Русь, донцы совершили опустошительный набег на Перекоп, где без жалости жгли и громили их улусы, истребляя татар. В результате этого рейда, казаки освободили несколько сот русских пленников, взяли большой ясырь и отогнали до 15 тыс. коней, и стада другого скота. Донцы вернулись в свои городки, торжествуя полную победу, в то время как русский царь выслушивал надменную грамоту торжествующего победителя: «Жгу и пустошу Россию единственно из-за Казани и Астрахани; а богатство и деньги применяю к праху. Я везде искал тебя, в Серпухове и в самой Москве, хотел венца и головы твоей: но бежал из Серпухова, бежал из Москвы – и смеешь хвалиться своим царским величием, не имея ни мужества, ни стыда!». После разгрома Москвы и южных областей государства, Царь панически боялся нового вторжения татар и был готов на многие уступки Давлет Гирею и Селиму.

Для склонения султана к миру, в Турцию было отправлено посольство во главе с дворянином Кузминским. Его тщательно проинструктировали в Посольском приказе и дали наказ: «Если станут говорить, что в Астрахани кишени (кладбища) разгромили и мертвецов грабили, то отвечать: это делали без государского ведома воры, боярские холопы и казаки». В случае, если турки станут говорить о притеснении мусульманской веры, то вновь уведомить их, как и в прошлом году, что «Слуга его, царь Саин Булат, господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожики, князья нагайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях».

Однако и это посольство окончилось безрезультатно. Требование восстановить Казанское и Астраханское ханства, было неприемлемо для России. Тогда турки потребовали от Ивана Грозного признать себя данником османов, не возвращая этих ханств. Но и это требование также было неприемлемо. Наряду с переговорами в Стамбуле, шли переговоры в Крыму и на Дону, между казаками и азовцами. Об этом мы узнаём из государевой грамоты на Дон от 17 августа 1571 г. Царь, стремясь к спокойствию на своих южных окраинах, послал донских атаманов с поручением в Азов: «От царя и великого князя всей Руси на Дону, послали есьмя, для своего дела, под Азов казачья атамана Микиту Мамина, да Молчана Яковлева с товарищи, и как на Дон они приедут и о которых наших делах Микита Мамин учнёт с вами говорить, и вы б с ним о наших делах промышляли за один; а как нам послужите и с Микитою наши дела начнёте промышляти, и мы вас пожалуем своим жалованьем».

Но и эти переговоры, по всей видимости, закончились ни чем, из-за драматических событий развернувшихся на Дону. Люди крымского хана, стремясь отомстить донцам за разгром учинённый перекопским татарам, устроили засаду, в которую попала казачья ватага. В ходе боя был захвачен в плен сын войскового атамана Черкашенина. В отместку, храбрый атаман совершил смелый и неожиданный для азовцев набег на город. Скрытно подойдя к его стенам, казаки бросились на его штурм. После жестокого боя они ворвались в город, где захватили в плен шурина турецкого султана – Усеина, и всю его свиту, 20 человек, а также множество чёрных людей. Однако туркам, вскоре удалось выбить донцов из города, но не освободить пленников. Через несколько дней казаки вновь подошли к городу, со взятыми в нём пленниками, и атаман Черкашенин предложил азовскому паше произвести обмен султанского шурина и его свиты, на его сына и взятых в месте с ним казаков.

По каким-то причинам обмен не состоялся, и крымский хан приказал казнить Данилу Черкашенина, что привело к новому взрыву кровавой резни между казаками и азовцами. Эти, казалось не столь важные события, до крайности обострили отношения между Россией с одной стороны, и Турцией с Крымом с другой. Между ними началась оживлённая дипломатическая переписка с взаимными упрёками и обвинениями.

Турецкий султан, узнав о нападении казаков на Азов, и взятии своего шурина в плен, вместе со всей свитой, отправил крымскому хану резкую грамоту с выговором за казнь сына атамана Черкашенина, приведшему к штурму Азова и почти полному его захвату донскими казаками. Султан требовал больше не допускать такого: «А ведь, де, Азов казаками и жил, а казаки, де, Азовом жили, о чем, де, у них по ся места все было смирно. Нынче, деи, ты меж казаков и Азова великую кровь учинил».

Об этой переписке мы узнаём из отписки русского посланника в Крыму Ивана Мясоедова, доставленной в Москву служилым татаринном Кадышем Кудиновым: «Да говорил государь, царь (хан) про казаки донские воюют Азов, мы де с братом своим (Иваном Грозным) в братстве и любви будем, а казаки де воюют Азов. И мне де и турецкого царя отстать как? ... А царь государь (крымский хан), говорил про Азов потому, что писал к нему турецкий царь, про что де ты казнил Мишкина сына Черкашенина, и ныне де и меня казаки Азов взяли».

Получив выговор от султана, хан, в свою очередь жаловался русскому царю на казачьи разбои под Азовом. На что русский самодержец отвечал: «Казаки живут на Дону не по моей воле; бывают в войне и мире с Азовом без моего ведома; они беглецы из моего государства, и собравшись для разбоев, неоднократно грабили и мою казну на Дону и Волге, за что многие казни были. Моих же людей, я не токмо не посылал к Азову, но даже сведав о нынешнем набеге казаков на оный, приказал по украинным городам казнить всякого казака бывшего под Азовом, коль скоро который из них явится туда». Но на самом деле царь не собирался ни кого казнить за разгром Азова.

1572 г. В наступившем году Давлет Гирей, не удовольствовавшись колоссальной добычей прошлого года и сожжением Москвы, решил повторить поход на Русь. Он надеялся вновь захватить добычу и пленников без кровопролитных сражений. Но собрав 120 тыс. войско, включая 7000 янычар с пушками, готовый ворваться в российские приделы для грабежей и резни, он медлил, в надежде, что устрашённый татарским погромом, Иван Грозный без боя уступит Казань и Астрахань. Пока же крымцы и нагаи отдыхали «не рассёдывая коней», но видя неуступчивость царя и не желая тратить «время в переписке лживой, а решить дело саблей лицом к лицу», Давлет Гирей, уже хорошо знакомой дорогой двинулся к Дону и Угре. Казаки, узнав о движении татарских полчищ, известили о том воевод украинных городов.

Тем временем в Бахчисарае торжествовали и делили шкуру убитого русского медведя. Русь ослабла прошлогодний поход показал, как легко было громить обессиленных московитов, в этом же году пора покончить с ними раз и навсегда. Мурзы уже делили наместничества, стараясь выпросить себе самые богатые, и многолюдные города. А еврейские купцы, контролировавшие в Крыму работоторговлю и финансировавшие походы Давлет Гирея, получили ярлыки на беспопышную торговлю по Волге.

Иван Грозный тем временем спешно собирал войска, с бору по сосенке. Воеводами были назначены князья Воротынский и Хворостин, с Дона были призваны казаки атамана Черкашенина. Из Разрядного приказа мы знаем численность русской армии: «И всего во всех полках, со всеми воеводами всяких людей 20043, опричь Мишки с казаки». По разным оценкам, атаман Черкашенин привёл с собой от 3000 до 5000 всадников. Русские полки князя Воротынского, предупреждённые донцами, немедленно заняли укреплённые позиции на Оке, в 3 верстах от Серпухова. В месте, считавшимся наиболее удобным для переправы. Но хан, умудрённый боевым опытом, отвлёк русские войска перестрелкой. Татары же, тем временем,

найдя другие броды, переправились через реку и стремительно двинулись к Москве. Воротынский, узнав от казаков о манёвре неприятеля, бросил оказавшиеся бесполезными укрепления и устремился в погоню.

Командовавший авангардом русских войск воевода Хворостин, вскоре настиг арьергард татар, которым командовали крымские царевичи (калги) и в жестоком бою разгромили его, обратив неприятеля в бегство. Давлет Гирей узнал об этом у реки Пахра, близ Подольска. Обеспокоенный успехами русских, хан выделил сыновьям 12000 отборной конницы и татары всей массой обрушились на русских всадников. Те дрогнули и побежали, увлекая за собой крымцов, заманивая их тем самым на русские пушки и стрельцов. Убийственный залп ошеломила татар, устлавших поле сотням трупов. Всё изменилось в одно мгновение: бежавшая русская конница вдруг обернулась и врубилась в расстроенные ряды крымцов, ударила пехота, обратив неприятеля в бегство. Беглецов гнали, истребляя до лагеря Давлет Гирей, обеспокоенного натиском русских. Хан решил покончить с небольшой русской армией и лишь за тем идти на Москву. Но ему это не удалось, так как подошла основная русская армия.

Всё могло быть иначе, брось Давлет-Гирей сразу все свои силы на русские позиции. Но хан не знал истинную мощь полков Воротынского и собирался их протупать. Он послал Теребердей-мурзу с двумя туменами на захват русского укрепления. Все они погибли под стенами гуляй-города. Небольшие стычки продолжались еще два дня. В течение этого времени казакам атамана Черкашенина удалось уничтожить турецкую артиллерию.

На следующий день, 31 июля состоялось упорное сражение. Крымские войска начали штурм главной позиции русских, оборудованной между речками Рожай и Лопасня. «Дело было велико и сеча была велика», – говорит о сражении летописец. Перед гуляй-городом русские разбросали своеобразные металлические ежи, о которые татарские кони, ранили свои ноги. Поэтому стремительный натиск, основная составляющая побед татар, был сорван. Стремительный натиск был остановлен перед русскими укреплениями, откуда посыпались ядра, картечь и пули. Но татары продолжали атаковать. Отбивая многочисленные натиски, россияне переходили в контратаки. Во время одной из них казаками Черкашенина был захвачен главный советник хана – Дивей-мурза, руководивший крымскими войсками. Яростное сражение продолжалось до вечера, и Воротынскому больших усилий стоило не ввести в бой засадный полк, не обнаружить его. Этот полк ждал своего часа.

1 августа оба войска собирались к решающему сражению. Девлет-Гирей решил основными своими силами покончить с русскими. В русском же лагере заканчивались запасы воды и продовольствия. Несмотря на успешные боевые действия, положение было критическим.

На следующий день произошло решающее сражение. Хан повел свое войско на гуляй-город. И опять не смог овладеть русскими укреплениями с ходу. Сообразив, что для штурма крепости необходима пехота, Девлет-Гирей принял решение ссадить всадников с коней и вместе с янычарами бросить пеших татар на приступ. Вновь лавина крымцов хлынула на русские укрепления.

Князь Хворостинин руководил защитниками гуляй-города. Мучимые голодом и жаждой, они яростно сражались. Они знали, какая участь ждет их, окажись они в плену. Они знали, что произойдет с их отчизной, если татарам удастся смять их и опрокинуть. Так же мужественно бок о бок с русскими сражались и немецкие наемники. Генрих Штаден руководил артиллерией гуляй-города.

Войска хана подступили вплотную к русской крепости. Атакующие в ярости пытались даже разломать деревянные щиты руками. Русские мечами отсекали цепкие руки врагов. Накал сражения усиливался, в любой момент мог наступить перелом. Давлет-Гирей был полностью поглощен одной целью – овладеть гуляй-городом. Ради этого он бросил в бой все силы. Как писал историк, имея значительно меньше воинов, «Воротынский бился и наблюдал, устраивал ободрял своих: замышлял хитрости; заманивал татар в места, где они валились горами от дей-

ствия скрытых им пушек – и когда обе рати, двигаясь взад вперёд, утомились и начали слабеть, невольно ждали конца делу сей, потом и кровью орошённый воевода зашёл узкою долиною в тыл неприятелю». Одновременно Штаден произвёл залп из всех орудий, и защитники гуляй-города во главе с князем Хворостининым сделали решительную вылазку.

Этот манёвр решил исход сражения. Хан и татары в ужасе бежали, бросив всё: обозы, шатры, пушки, знамёна. Отряды казаков преследовали и избивали бегущих до самого Перекопа, выстав степь их трупами. В результате этого грандиозного сражения, не уступающего, по своему значению Куликовской битве, россиянам удалось сломать хребет крымцам. Село Молоди стало кладбищем для значительной части мужчин Крымского ханства. Здесь poleg весь цвет крымской армии, лучшие ее воины. Турецкие янычары были истреблены полностью. После столь жестокого удара крымские ханы, в течении 20 лет и не думали о больших набегах на Россию. Крымско-турецкая агрессия против Русского государства была остановлена.

В результате чего, на Дону и Десне пограничные укрепления были отодвинуты на юг на 300 километров, в конце царствования Ивана Грозного были заложены Елец и Воронеж – началось освоение богатейших черноземных земель Дикого поля. В этом году большая казачья ватага переволоклась на Волгу и, спустившись в Каспийское море, занялась грабежом купеческих судов. В числе прочих, донцы разграбили английский купеческий караван.

1573 г. Весной этого года, близь города Шацка, поселился монах Матфей (Матвей), до пострига являвшимся донским казаком, основав скит на реке Цне у так называемых «Шацких ворот», ныне местечко Старочернеево Рязанской области. Уже в царствование Федора Иоанновича (1584—1598 гг.) казаки записывают в синодик (поминальник) монастыря своих родственников, погибших в боях на Яике (р. Урал) и под Азовом, делают вклады (пожертвования монастырю на богоугодные дела). Скупые строки официальных документов объясняют, почему именно этот монастырь притягивал донцов. Оказывается, Войско Донское высочайше пожаловали «за службу и за кровь... на вечное прибежище и на строение, а старым и от ран увечным в том монастыре постригаться без вклада». Более того, монастырь исключили из юрисдикции светской и духовной администрации края, дав казакам право судить монастырских крестьян «по донскому обычаю».

Эта дата считается датой основания Николо-Черниевского монастыря, хотя собственно монастырь был построен позже. Черниевым монастырь назван по Чёрному лесу, расположенному рядом или Черни. Вскоре к Матфею присоединилось ещё несколько человек, построивших церковь. Со временем к ним стала присоединяться немощная и убогая казачья братья, и скит превратился в монастырь, который стало поддерживать и финансировать Войско Донское. Монастырь стал предназначаться для увечных и немощных казаков, не имеющих близких родственников. В нём донцы доживали свои последние дни, пользуясь всеобщим почётом и уважением.

В 1573 г. на южную границу, воеводой, был отправлен Василий Грязной, один из приближённых царя Ивана 4. Проводя вместе со служилыми людьми и донскими казаками разведку, он попал в плен. Крымцы «подстерегли» отряд Грязного и разгромили его. Поваленный наземь Грязной отчаянно сопротивлялся, якобы до смерти перекусав «над собою» шесть человек и двадцать два ранив, о чем не только писал впоследствии Василий Грязной Грозному, но что подтверждали и очевидцы. Грязного «чуть жива» отвезли в Крым к хану. Узнав о том что, он один из приближённых Ивана 4, крымцы решили выменять его на Дивея-Мурзу – знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими или заплатить выкуп в 100000 рублей. Из плена Василий Грязной и написал Грозному свое первое письмо, прося обмена на Дивея. Осенью 1574 г. Василий получил ответ Грозного через гонца Ивана Мясоедова. С этим гонцом Грозный передал Грязному свое государево жалование и сообщил ему, чтобы он не беспокоился о семье: сына его Грозный пожаловал поместьем и деньгами. Но в тоже время,

письмо Грозного содержало решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-мурзу. После этого Василий Грязной еще дважды писал царю, но крымцы так и не получили за Грязного Дивея-мурзу. В 1577 г. Грязной был выкуплен за 2000 рублей, но что сталося с ним после выкупа, не известно.

1574 г. Весной, казаки, сойдясь в Круг, решили идти воевать Азов, и отправили гонцов по всем городкам по Дону и прочим запольным рекам, с призывом идти к сему городу. На зов Войска откликнулось несколько тысяч донцов, решивших искать воинского счастья и славы под стенами турецкой твердыни. Скрытно подойдя к городу, казаки, внезапным ударом завладели земляным и каменным городом Азова – Тыпраккале и Тышкале, но из-за своей малочисленности и недостатку пороха, долго не смогли удержать их, и отступили под яростным натиском янычар, увезя все захваченные пушки. Не удовлетворяясь этим, часть казаков сев на струги, прорвались в море, где соединившись с запорожцами они устремились к Белгород-Днестровску и взяли его штурмом, разграбив и предав огню. Это первый исторически зафиксированный факт морского похода донских казаков.

Крымский хан в своей грамоте вновь грозил Москве за взятие казаками части Азова, считая инициатором этого похода Ивана Грозного: «А хандыркеева величества славного города Азова велел еси воевать и жечь; и ты то не гораздо сделал, что руку свою протянул на хандыркееву землю; и ты то на себя, и Божиею милостью и по реке и посуху живут, и тех всех недругов взял он под свою руку. По ся места ты не умеешь стояти против меня, а против его тебе как стоять». В ответ Иван Грозный писал хану: «не по нашему велению на Дону живут (казаки), бегая от нашего государства, а не по нашему указу. И много лет живут под Азовом, много на Дону живёт того: иногда в миру, а иногда не в миру, да только всякие такие дела у них, меж них делаются без нашего ведома; а донские казаки на Дону и Волге и наши казны грабливали, и мы, сыскав, за то их каживали... а мы к Азову николи людей своих не посылавали и посылати не хотим... по всем своим украинам заказали: который казак донской ни предёт на украинский город наш, которые на Топраков (часть Азова: Топраккале) ходили, велели тех имая казнити, и которые пришли на ту Украину, и мы их имали и казнили».

Но это была лишь пустая отписка, ибо Москва была не в состоянии контролировать донское казачество и ограничивалась лишь поимкой воровских казаков на своей территории. Казаки же, усилившись, стали каждый год совершать набеги на Азов и его окрестности, держа азовцев в постоянной напряженности. Особенно доставалось крымским татарам, которых султан обязал охранять подступы к городу – крепости. Они не были под защитой крепостных стен и валов. Понеся в очередном сражении с казаками большие потери, калга Адыл Гирей жаловался царю: «Хандыркеева величества земля наша, а наша земля Хандыркеева величества земля. Что его городу Азову твои казаки убытки чинят, кабы над нами они чинят; и нынешнего году казаки твои, дважды приходив, шкоту учинив, отошли».

Но донцы не ограничились штурмом Азова и разорением его окрестностей. Их отряды разгромили несколько нагайских улусов. Что вызвало поток жалоб нагайских мурз и князей русскому царю. Так как царю был необходим мир на юге, Иван Грозный в ответ на жалобы ногайского князя на умножившиеся разбойные нападения на его владения вольных людей предложил ему своими силами уничтожить донских казаков, которые «не по нашему велению на Дону живут». Тогда же воеводам пограничных городов предписывалось казнить всех объявившихся в их крепостях казаков. Что впрочем, делалось без особого рвения.

1575 г. Согласно некоторым источникам, осенью этого года донские казаки принимали участие в походе запорожских казаков во главе с гетманом Ружинским под Перекоп и в Крым. Гетман, воспользовался случаем, когда татары по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь молдаванскому господарю Ивоне, бросились, в числе

11000 человек «на Русь», произвели в ней страшное опустошение, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру. Во главе нескольких полков запорожцев и присоединившихся к ним донцов, Ружинский ворвался в татарские владенья за Перекоп, опустошил страну огнем и мечом, освободил много христианских пленников из неволи. Взятых в плен татар, всех без жалости казнили: мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали.

В этом же году донские казаки, по предварительной договорённости с запорожцами, вышли в море, где соединившись с флотилией гетмана Ружинского, перешедшего на службу Ивану 4, так же как и прежде гетман Вишневецкий. Они обрушились на черноморское побережье Турции. Взяли штурмом и разграбили Трапезунд, разгромили пирсы и предместья Стамбула, «взял под ним многия корысти», овладели Киликией, Силистрией и Синопом.

Но вскоре гетман, люто ненавидевший турок и татар погиб. Возвратившись с моря, он в 1575 году предпринял поход на турецкую крепость Аслам-город, построенную для преграждения выхода черкасам в устье Днепра и в Черное море, и обрушился на нее с такой силой, что от нее не осталось никаких следов. Но во время штурма, сам погиб во время взрыва заложенного в подкопы пороха. О причине такого фанатического озлобления Богдана Ружинского против мусульман ни польские, ни малороссийские историки не говорят, лишь народная дума о Богданке, указывает на пленение татарами жены и убийство его матери.

С 1571 г. русское правительство вело на южных рубежах строительство сторожевой линии состоящей из ряда деревянных крепостей и передовых сторож. Однако это не устраивало крымских и нагайских татар. В 1575 г. собрав большие силы, они обрушились на сторожевую линию, уничтожив многие сторожи, истребив их гарнизоны. В грамоте князя Милославского говорится, что на Дон, к устью Талучеевой станицы людей не посылать, так как многие из них «громленны, а иные взяты».

1576 г. Весной этого года отряд донских казаков соединился с Запорожским войском, численностью более 3000 человек. Вскоре в Сечь, с государевым жалованьем: хлебом, порохом и деньгами: «по три рубли денег на человека, а иным по четыре рубли добрым казакам да по зипуну», прибыл отряд служилых людей и городовых казаков под командой воевод Андрея Верёвкина и Фёдора Прончищева. Воеводы зачитали в Кругу государеву грамоту с призывом выступить против татар. Запорожцы и донцы обещали царю всемерную помощь.

Тем временем рядовые татары и мурзы требовали от Давлет Гирея новых походов на Россию. Непривычные к повседневной работе, верные грабежу и разбоям, они хотели новой добычи и пленников, чтобы те работали на них или их можно было продать. Хан уступил их требованиям, с 50000 конницы он двинулся от Молочных Вод к русским украинам. Донские сторожи, тотчас отметили движение Орды и оповестили воевод украинских городов о надвигающейся опасности. Сами же казаки, воспользовавшись уходом основных сил татар, вместе с запорожцами и русскими воеводами Верёвкиным и Прончищевым, устремились к Ислам Кирменю, взяли его приступом, разграбили и сожгли. Всё мусульманское население было вырезано или захвачено в плен во всех окрестных улусах. Освобождены были многие русские пленники. На Дон казаки пригнали многотысячные стада скота.

Не удовлетворяясь этим, казаки приступали к Очакову и Белгороду, где взяли большой полон. Татары, придя в отчаяние, непрерывно слали гонцов хану, с просьбами скорее возвращаться и изгнать страшных казаков. Тем временем Давлет Гирей, захватив нескольких русских пленников, узнал от них, что сам царь Иван с отборным войском стоит в Калуге. Хан не стал искушать судьбу и, удовлетвоваввшись незначительной добычей и полоном, поспешно ушёл в Крым.

1576 год. Иван Грозный, желая обеспечить безопасность южных рубежей, в предстоящей войне со Стефаном Баторием, учредил на Волге особую «судовую рать». Она состояла из двух

полков; большего и передового. В них входили и донские казаки. Так в «Разрядной книге» за 1576 год мы находим запись: «В судовой рати в 1576 году в большем полку, в плавной, К. Н. Тюфякин да голова Нарышкин, а с ними пермичи, двиняне, кинешемцы, балахонцы, горховчане, юрьевчане, коряковцы... в передовом полку устюжане, тотмичи, да донские атаманы». Казаки в государеву «судовую рать» отправлялись из «охотников» и сменялись каждый год, получая за это жалованье.

1577 г. Начавшаяся война с польским королём Стефаном Баторием требовала многих опытных бойцов, и царь отправил на Дон грамоту атаманам и казакам, с призывом послужить ему в Ливонской войне. Прибывший в Главное Войско русский посланник, придя в Круг, зачитал государеву грамоту, принятую донцами благосклонно. Казаки, посовещавшись, отправили по городкам гонцов, с призывом к «охотникам» идти на службу в Ливонию. Вскоре в Раздорском городке сошлось около 3000 казаков во главе с походным атаманом Михаилом Черкашениным, пожелавших искать чести и славы в далёкой Ливонии. Прибыв в Стан русских войск, казаки бесстрашно сражались с немцами и поляками «оказывая чудеса храбрости».

29 июня 1577 года умер давний враг России и донского казачества крымский хан Давлет Гирей. На престол вступил его сын Магмет Гирей. Исполняя древний обычай кочевников, он решил ознаменовать своё воцарение пожарами нашествия и кровью. Но пошёл в поход не на Россию, а на Польшу, не ожидавшую подобного «вероломства» от недавнего союзника. Татары выжгли и разорили большую часть Волынской земли, уведя значительный полон.

Видя это, Иван Грозный отправил в Крым посольство князя Мосальского, ища в новом хане союзника против Стефана Батория. Но Магмет Гирей за свою дружбу потребовал от Москвы Астрахань и хотел, чтобы царь искоренил или свёл казаков с Дона и Днепра. Переговоры зашли в тупик и Магмет Гирей отправляет в Москву своего посла Арслан мурзу, с грамотой к царю Ивану. В ней говорилось: «Да тока ж ты брат наш, с нами, с другом своим, похош в любви и мире быти и меж двух добра хотети, и которые казаки у тебя на Дону, и ты бы тех казаков велел свести, чтобы брата нашего Хандыкерева, и что его городу Азову от них доуки не было, потому, что Хандыкерева земля наша, а наша земля Хандыкерева, и что городу Азову твои казаки доуку чинят, так бы еси ведал, ежегод твои казаки, Доном приходя, Азову шкоту чинят. И сего лета казаки твои, дважды пришед, под Азовом шкоту учинив, пошли».

На все претензии и жалобы Арслан мурзы, в Посольском приказе, ему отвечали: казаки донские и днепровские от России не зависят, они есть воры и разбойники. Первые есть беглецы российские и литовские, коих велено ловить и казнить, если появятся в пределах Руси. Вторые же, черкасы запорожские, служат они Баторию. Переговоры затянулись, но мир так и не был заключён. Стефан Баторий, опередив Ивана 4, золотом купил его для Литвы и Польши.

Однако казаки не только стяжали себе честь и славу в Ливонии и под Азовом. Они занимались разбоями на Волге и громили волжских нагаев, разорили улус Урамамет мурзы. Тот отправил царю жалобу. «Да Урус же князь говорил: приходили де государевы казаки сего лета и Сарайчик воевали и гробы их разоряли; и нам то стало за великую досаду». Но нагайский мурза лукавил, умолчав в своей жалобе, что его нагаи, соединившись с азовцами, грабили и разоряли русские украины. От чего казаки их и погромили. «Приходили де на алаторские места с азовскими людьми вместе и, воевав, пошли в Нагаи назад, и на Волге волжские атаманы Ивашка Кольцо да Барбоша с товарищи их громили... а те атаманы Ивашка Кольцо да Барбоша с товарищи на Волге своровали: твоих Урусовых послов и иных мурз послов и наших детей боярских Василья Пелепелицина с товарищи перебили и переграбили, да иных казаков сыскали. Митю Битоуса с товарищи, которые на Волге были и наших детей боярских и ваших послов перебили и переграбили; и мы на тех казаков опалу свою наложили, казнити их велели смертью перед твоим человеком Урагметем... А для атамана Ивана Кольца, да Барбоша с тава-

рищи и для иных казаков послал государь в Казань и в Астрахань, и во все украинные города, а велел тех волгских атаманов и казаков, имая, казнити смертью».

В этом же 1577 г. впервые в русских документах упоминается имя самого известного донского казачьего атамана: Ермака Тимофеевича (Тимофеева). Он ещё с четырьмя атаманами: Иваном Кольцо, Яковом Михайловым, Матвеем Мещеряком и Никитой Паном, занимался на Волге разбоем и грабежом купеческих и государевых судов, азиатских посольств, и рыбных учугов. Кроме них, на реке орудовало ещё несколько казачьих ватаг. Терпение царя лопнуло после выше упомянутого нападения донских атаманов Богдана Барбоши, Ивана Кольца, Никиты Пана и других атаманов и казаков, на русского посла Пелепелицина, ехавшего с нагайскими послами под охраной 300 конных нагаев.

Нападение произошло у Соснового острова и имело для посольства печальные последствия. Против казаков были двинуты стрельцы, дворяне и дети боярские. Но судя по всему, первая попытка усмирить Ермака «со товарищи», провалилась. Это зафиксировано «Сибирской летописью»: «з Дона возташа самовольно казаки с атаманом Ермаком Тимофеевым сыном, которые с Дону вышли и многую пакость Московского государства всякого чина людям деяша, животы и товары и государеву казну грабиша, и по указу многие посылки ратных людей на сего атамана на Ермака посланы были. И он же атаман Ермак с товарищи русскую рать побили».

Тогда на Волгу, для усмирения разбоев, был послан деятельный и великий стольник Иван Мурашкин с сильным войском. Стольник стал железной рукой наводить порядок на великой реке: разбил часть воровских казаков, и безжалостно казнил захваченных донцов. Однако царь не ограничился посылкой войск на воровских казаков, но и потребовал этого от Войска Донского. Историки Визен и Бронева, в своей работе писали: «На Дону, после получения царского указа, атаман собрал войсковой Круг, на котором было принято решение, против отряда Ермака выслать войско казаков, и Ермак должен быть отправлен в Москву». Этим самым Войско Донское объявило атамана Ермака вне войскового права и закона.

Однако решение Войска запоздало. По пятам преследуемый стольником Мурашкиным, Ермак ушёл в астраханские степи. Где напал на «мирных» нагаев, громил их улусы, взял и разграбил столицу нагаев Сарайчик, ограбив даже мусульманские могилы. (Смотри упомянутую выше жалобу Урамамет мурзы) Но нагаи считались подданными России и жаловались на разбои ермаковской ватаги. Казакам пришлось бежать далее, на север, на Каму, где был основан казачий стан.

Жестокость Ивана Грозного, при подавлении заговоров противников единовластия, многочисленные казни не только князей и бояр, служилых людей, городских казаков и посадских людей, имели свои негативные последствия. Спасаясь от ужасов беззакония, служилые и посадские люди, десятками покидали свои волости, устремляясь на Дон, Волгу, Медведицу, Хопёр, Базулук. Часть из них, слившись с коренными донцами, совершали дерзкие морские и конные походы на Крым и Азов.

Тогда как вторая их часть, тяготясь опасностями войны с татарами и турками, занялась грабежом купеческих караванов и рыбных учугов на Волге и Каспии. Первое время, в 50 – 60 годах, правительство Ивана 4 закрывало на это глаза, так как казаки держали в страхе и повиновении Москве нагаев, мордву, черемисов, башкир, татар и других инородцев. Однако со временем, разбои эти слабо пресекаемые государством, приняли такие размеры, что на Волгу, как мы видим, стали посылаться крупные карательные экспедиции, такие как стольника Мурашкина.

Часть 2 Донской хронограф 1578 – 1605 г.

Казаки Лейб гвардии Казачьего полка. Сидит четвёртый слева – полковник Хрещатицкий. Офицер с солдатским Георгием – сотник Васильковский. Крайний справа сидит казак х. Средне Митякинского Исаев В. Фото из семейного архива автора.

1578 г. Стараясь пресечь массовое бегство на Дон и Волгу, и усиления в связи с этим «воровских казаков», Иван Грозный отправил всем воеводам украинских городов и земель «именной наш приказ, что не велено ни кого на Дон пропускать и с Дону казака ни какова пущать не велено на украины». На Волге царские воеводы продолжили истребление «воровских казаков». Так после очередного разгрома донскими казачьими атаманами Иваном Юрьевым и Митей Бритоусовым Сарайчика, они были схвачены царскими войсками и в присутствии нагайских посланников казнены вместе со своими товарищами.

Меж тем основная часть Войска Донского продолжала, пусть и не осознано, служить интересам России, преграждая своей саблей набеги татарских и нагайских отрядов на окраины государства. Постоянно тревожа Азов и Крым своими опустошительными набегами, казаки, зачастую не желали соотносить свои действия с интересами Москвы, ставя её в затруднительное положение. Тем не менее, карательные действия против казачества на самом Дону были не в интересах России, и потому дьяки Посольского приказа отвечали туркам и татарам, на их жалобы что: «те холопи наши в нашей земле многое лихо сделали и убежали в Поле». Или: «на Дону и близко Азова живут казаки, все люди беглые».

Но в то же время, московские государи слали на Дон тайные грамоты, с просьбами тревожить турок и татар в Крыму и под Азовом. Вести за ними непрестанное наблюдение и сообщать о замыслах мусульманских владык, и готовящихся набегах на Россию. Просили Войско, чтобы казаки «промышляли» заодно с Москвой: «Когда же вы нам послужите, и мы вас пожалуем своим жалованьем».

Весной 1578 г. казаки вновь совершили набег на Азов и его окрестности, разорив их до тла. Эта акция донцов вызвала гнев султана, отправившего в Крым грамоту с выговором хану, за плохую защиту города. Хан, раздосадованный этим выговором и дерзостью казаков,

в очередной раз потребовал от царя свести их с Дона. «И которые казаки у тебя на Дону, и ты б тех казаков велел свести, чтоб брата нашего Хандыкерева величества городу Азову от них ни какой доуки не было».

На это царь, через своего посланника Василия Зузигина и дьяков Андрея и Василия Шевкаловых отвечал: «А что наш брат Магомет Кирей (Гирей) царь писал нам в своей грамоте, чтоб нам з Дону казаков свести, чтоб Азову убытки не чинили, и наших казаков на Дону нет, и не посылаем ни кого, а живут на Дону всяких земель беглые люди, нашего государства и Литовские земли; а на наших украинх воеводам имянной наш приказ, что не велено ни кого на Дон пропускать и з Дону казака ни какова пущать не велено на украинх. А кого изымут на украине, и тех казнить смертью». Или: ««казаки живут на Дону не по моей воле; бывают в войне и в мире с Азовом без моего ведома; они беглецы из моего государства и собравшись для разбоев, неоднократно грабили и мою казну на Дону и на Волге, за что многие казнены были. Моих же людей я не токмо не посылал к Азову, но даже, сведав о нынешнем набеге казаков на оный, приказал по всем окраинным городам казнить всякого казака, бывшего под Азовом, коль скоро который из них явится туда».

Но отвечая так, царь имел в виду только воровских казаков, грабивших пограничные волости и кочевников, принявших русское подданство. Торговые казаки пропускались беспрепятственно.

Донцы же тем временем, не смотря на грозный тон Москвы, не переставали громить и притеснять азовцев, крымцов и турок. По некоторым известиям, партия донских казаков, присоединившись к запорожцам, участвовала в морском походе к берегам Крыма и Турции. К новому султану Амурату потоком шли жалобы на казачьи разбои и грабежи. И тот винил во всём Россию, посылавшую на Дон государево жалованье хлебом и боевыми припасами. Положение усугубляли Яицкие и Терские казаки, громившие турецких союзников на Кавказе.

О том, что донские и запорожские казаки издавна совершали морские походы, известно и из западно-европейских источников. Так в «Хронике Европейской Сарматии», впервые опубликованной на латинском языке в 1578 г. и затем изданной в расширенном польском варианте в 1611 г., А. Гваньини, характеризуя казачьи суда, замечал: «В таких же точно лодках прежде Русь чинила шкоды греческим (византийским) императорам, заходя иногда даже под самый Константинополь, как о том Зонарас, греческий историк, пишет. Да и сегодня едва ли не то же делали бы казаки, если бы их было так много». Эти же фразы мы находим в «Хронике польской» И. Бельского, вышедшей в свет в 1597 г. и использованной при написании труда А. Гваньини.

1579 г. Война с Речью Посполитой продолжалась, русские войска терпели поражения, и как всегда требовалась лёгкая казачья конница. С Дона на театр боевых действий прибыло несколько казачьих отрядов донцов во главе с легендарным атаманом Черкашениным. Польский король Стефан Баторий оказался опытным полководцем и к исходу лета осадил Полоцк. Царь, обеспокоенный победами поляков, 1 августа 1579 года отправил на помощь осаждённому городу воеводу Шеина и князей Лыкова, Палицкого и Кривоборского «с дружинами детей боярских и донских казаков». Перед ними была поставлена задача побиться в Полоцк «хитростию или силою, а в случае невозможности занять крепость Сокол, тревожить неприятеля, мешать его сообщению с Литвой».

Однако Шеин не решился атаковать осаждавших Полоцк поляков и без боя занял крепость Сокол. Он распустил слух, что вскоре к Полоцку подойдёт царь с главными силами. Но польский король не испугался подхода русских войск, и решил до их подхода взять Полоцк. Видя, что имеющаяся в его распоряжении артиллерия не в состоянии разрушить городские стены, «предложил венгерским удалцам взойти на высоту крепости и зажечь её стену, обещая им славу и золото». Охотники с пылающими факелами бросились к Полоцку и, не смотря

на почти полное их истребление, сумели поджечь стену. Видя это, все полки венгерских наёмников, не слушая короля и своих командиров, устремились на приступ. Но после кровавой резни были сброшены защитниками Полоцка с валов и побежали.

Исход сражения и всей осады мог решить воевода Шеин, ударом по стану Стефана Батория. Но он так и не решился это сделать, видя, что у Дриссы стоит польский заслон. К тому же из Сокола ушли донские казаки, очевидно не получив государева жалованья, или отслужившие к тому времени свой срок и не получив замены. Всего, согласно разрядных книг, в русской армии находилось в Лифляндском походе 5000 донских казаков получавших от государя жалованье и военную добычу. Вскоре после этого Полоцк и Сокол пали так и не дождавшись помощи от царя, бездействующего в Пскове.

В 1579 году в стан донского атамана Ермака, расположенный на Каме, прибыл посланец от купцов Строгановых. Те, получив от царя грамоту на освоение сибирских земель и привлечение для этого охотливых, не тягловых людей, решили пригласить на службу донцов. Так как остро нуждались в казаках, для защиты своих городков и промыслов от частых набегов сибирских татар и других инородцев. Казаки, обсудив в Кругу предложение богатых купцов, согласились и в числе 540 человек перешли в Чусовские городки. Здесь казаки, по одним сведениям находились до своего похода в Сибирь в 1581 году. Однако этому противоречит «Дневник Стефана Батория», в котором говорится, согласно которому, в 1581 г. он находился на Днепре, у Могилёва где он с казаками разорял литовские земли. По всей вероятности Ермак, с частью казаков, был призван Иваном Грозным от Строгановых на войну с Польшей и Литвой, для того, чтобы «загладить свои вины».

1580 г. Царь, укрепляя своё присутствие в Дагестане и на Тереке, перевёл своим именным указом донского атамана Андрея Шадру на Терек, в Терский городок, где он, по словам историка, «вместе с поселёнными здесь стрельцами и отрядом донских казаков, стал родоначальником терских казаков». Но официальной датой основания считается 1577 г. Хотя и это утверждение весьма сомнительно и спорно. Ведь сохранилась отписка донских казаков, на требование в 1632 г. царя Михаила Фёдоровича крестного целования. Казаки отвечали: «Крестного целования на Дону казачьими головами, не повелось; при бывших государях старые казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованием, в которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы- казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терека, и Сусар Фёдоров и многие атаманы и казаки ему, государю под Казанью служивали не за крестным целованием... При Михайле Черкашенине во Пскове сидели в осаде не за крестным целованием. Донской атаман Ермак Тимофеевич покорил Сибирское царство... не за крестным целованием».

В том же 1580 г. бежавшие на Дон сторонники казнённого царём митрополита Филиппа (Колычева) основали на кошах (буграх) городок Кошанский. Впоследствии эти бугры стали именоваться Филипповыми, в честь казнённого митрополита, а станица получила название Филипповской. После революции она была переименована в Маркинскую.

Стефан Баторий собрав 100000 армию состоявшую из поляков, литовцев, немцев, венгров и других народов, обещая им щедрое жалование и богатую добычу, двинулся к Пскову и 26 числа осадил его. Знаменитый донской атаман Михайло Черкашенин, не смотря на свои преклонные года, с отрядом донских казаков принял деятельное участие в обороне города. 7 сентября поляки установили осадные орудия на возведённых раскатах, между воротами Покровскими и Свинными. Весь день пушки громили крепостные стены, нанеся им значительный урон. На следующий день обстрел города продолжился и ядра, во многих местах сбили стены до основания. Видя это, полководцы Батория говорили ему: «Государь мы будем ныне ужинать с тобою в замке псковском». Видя общий подъём, король объявил войску о штурме города, обещая отдать его на разграбление.

«Не взирая на жестокий огонь городских бойниц, неприятель по телам своим достиг крепости и ворвался в проломы, взял башню Покровскую, Свинную и распустил на них знамёна королевские». Казалось ещё немного и торжество поляков не минуемо, как вдруг на ворвавшихся в город неприятелей обрушились казаки убелённого сединами атамана Черкашенина и задержали их продвижение. Взрыв Свинной башни неизвестным героем, подорвавшим порох в её подвалах, решил исход дела: «и вдруг Свинская башня в решительный час ими подорванная, взлетела в воздух с королевскими знамёнами, ров наполнился трупами немцев, венгров и ляхов; а к нашим приспели дружины воинов из дальних безопасных частей города: все твёрдо сомкнулись, двинулись вперёд, воскликнув: „не предадим Богоматери и святого Всеволода“ – дружным ударом смяли измученных врагов, вытеснили из проломов, низвергли с раскатов». Но герой дня, атаман Черкашенин был смертельно ранен и вскоре скончался, завершив свою жизнь великим подвигом, и по казачьему обычаю – в бою.

Это известие подтверждается не только российскими источниками, но и записками польского воеводы Замоиского от 1581 г.: «Был убит советник короля Бекеш, и много, без числа побито у приступов, и на вылазках. Да тут же убили Мишку Черкашенина, а угадал себе сам, что ему быть убиту, а Псков цел будет». Здесь следует отметить, что согласно «Актам Донских дел», Свинная башня была взорвана казаками Черкашенина, но имён этих героев история не сохранила.

Из «Дневника Стефана Батория» мы узнаём, что в том же 1581 г. отряд донских казаков во главе с атаманами Василием Яновым и Ермаком Тимофеевичем, по приказу Ивана Грозного, вместе с русскими воеводами разоряет литовские владения по Днепру, под Могилёвым. Об этом говорится в письме пана Стравинского на имя короля: «Доводим до сведения В. Кор. Величества... что московские люди, враги Кор. Вел., вторглись в В. Кор. Вел. И всё начиная от Дубровны, предавая огню и опустошению, пришли под город В. Кор. Вел. во вторник 27 июня (1581), в третий час дня, сожгли предместье, за дубровной Лучкова так же сожгли 6 домов; в посаде над Днепром, который называют слободой, тоже сожгли до 100 домов. Начальствовали над этими людьми воеводы: Кайтеров, Хворостин, Батурин... четырнадцатый Василий Янов, воевода донских казаков, пятнадцатый Ермак Тимофеевич, оттоман казацкий... и с ними было людей: татар темниковских, кадомских, касимовских, свияжских и чебоксарских, так же москвитян 45000 (?) стрельцов, с Дону и московских казаков 1000 на конях».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.